

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 18 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Власть и право: формы взаимодействия

Исаев И.А. Символический порядок власти3

Чушлкина А.Ф. Земская реформа Ивана Грозного: правовой прогресс или государственный регресс?9

Сафонов В.Е., Миряшева Е.В. Генезис американского федерализма и федеративного государства в историко-правовом и конституционном измерении14

Остапенко А.С. Истоки зарождения гражданского общества на Западе и условия его формирования в России: историко-теоретический аспект18

Туманова А.С. П.И. Новгородцев как идеолог возрождения естественного права в России: к 150-летию со дня рождения ученого23

Рогожина А.С. Продовольственный устав 1834 года как правовая основа государственной политики продовольственного обеспечения российской деревни в 1830–1890-е годы XIX века29

Утяшев М.М., Гарипов А.А. Социальные функции античного государства34

Уголовное право и судебное право:

историческая ретроспектива

Лысак Н.В. Понятие должностного лица в уголовном законодательстве и в теории уголовного права России во второй половине XIX — начале XX века40

Берлявский А.Г., Данихно С.Н. Источники советского права: проблемы понимания45

Шадрин В.С. Презумпция невиновности в России: от проблем прошлого к проблемам настоящего50

Калякина А.В. Особенности реализации судебной реформы Александра II на территории Бессарабской области: постановка проблемы55

Серебряев И.В. Историческая ретроспектива отечественного уголовного законодательства о противодействии недобросовестной конкуренции59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 18.07.2016

Номер вышел в свет 22.09.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 18 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Power and Law: Interaction Forms

<i>Isayev I.A.</i> Symbolic Power Order.....	3
<i>Chupilkina A.F.</i> Zemstvo Reform of Ivan the Terrible: Legal Progress or State Regress?	9
<i>Safonov V.E., Miryasheva E.V.</i> Genesis of American Federalism and Federative State in Historical Legal and Constitutional Dimension	14
<i>Ostapenko A.S.</i> Sources of Genesis of Civil Society in the West and Conditions of Its Formation in Russia: Historical Theoretical Aspect	18
<i>Tumanova A.S.</i> P.I. Novgorodtsev as an Ideologist of Natural Law Revival in Russia: for 150th Anniversary from the Date of Birth of the Scientist	23
<i>Rogozhina A.S.</i> 1834 Commodity Charter as a Legal Basis of the Russian Village Food Provision State Policy in 30–90s of XIX Century.....	29
<i>Utyashev M.M., Garipov A.A.</i> Ancient State Social Functions	34

Criminal Law and Judicial Law: Historical Retrospective

<i>Lysak N.V.</i> Notion of Officer in the Russian Criminal Legislation and Criminal Law Theory in the Second Half of XIX — Beginning of XX Century.....	40
<i>Berlyavskiy L.G., Danikhno S.N.</i> Soviet Law Sources: Problems of Understanding.....	45
<i>Shadrin V.S.</i> Presumption of Innocence in Russia: from Past Problems to Present Problems.....	50
<i>Kalyakina A.V.</i> Features of Implementation of Alexander II Judicial Reform in the Territory of the Bessarabian Region: Problem Setting.....	55
<i>Serebruyev I.V.</i> Historical Retrospective of the Domestic Criminal Legislation on Unfair Competition Counteraction.....	59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 18.07.2016
Issue was published 22.09.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Символический порядок власти

*Исаев Игорь Андреевич,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье затрагиваются вопросы символического характера власти и права, ставшие весьма актуальными в свете новых исследовательских методологий. Символическая власть формирует поле властных отношений и коммуникаций, используя право как набор символов и знаков. Рождается специфическая символическая реальность. Особенно остро влияние символистской среды ощущается в переходные исторические периоды. Революция, называя со старыми системами, рождает новые символические поля. Реальность и значимость власти и права от этого не только ослабевают, а, напротив, заметно устанавливают свое воздействие.

Ключевые слова: власть, право, правосознание, бессознательное, нормы, авторитет, авторитарность, легальность, легитимность, нормативизм, подчинение, революция, Просвещение, контракт, насилие, договор.

Symbolic Power Order

*Isayev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article deals with the issues of the power and law symbolic nature that have become quite topical in the light of new research methodologies. The symbolic power forms the field of power communications, using law as a set of symbols and signs. Specific symbolic reality comes into the world. The influence of symbolic medium is particularly sensitive in transitional historical periods. Revolution that designates using old systems generates new symbolic fields. Consequently, the reality and significance of the power and law do not only grow weak, but, on the contrary, apparently establish their influence.

Key words: power, law, legal consciousness, unconscious, regulations, authority, authoritarianism, legality, legitimacy, normativism, submission, revolution, Enlightenment, contract, violence, agreement.

Политическое насилие консолидирует общество, пробуждая в нем необходимое организационное мышление: под его воздействием проблемы очерчиваются более четко и рельефно. Революция — не столько начало нового, сколько завершение прошлого, его итог и исправление, при этом «революция скорее биологизирует, чем социализирует массы» (П. Сорокин). И все же идеологии остаются наиболее мощным фактором сплочения людей в сообщество.

Господство фактора пространства (широко использующего понятие «территория») и господство фактора «тела», когда человеческое тело и социальный корпус идентифицируются и для их обозначения применим один термин «согрус», позволило революционерам связать понятия «народ» и «территория» и применить концепцию «общественного договора» (соединяющее человеческие

тела и социальный корпус в единстве нового Левиафана)¹. Именно политические установки, но не абстрактные образы и теоретические конструкции формируют и составляют основу идеологии. «Идеология суждения» трансформируется во «всеобъемлющую машину», желающую контролировать и организовывать всякое движение жизни. Поэтому и обращение к имманентности преследует цель вывести жизнь из-под контроля «машины осуждения», которая сводит все к монотонному «возвращению того же самого»: такое «тело без органов» уклоняется от осуждения, так как не представляет собой никакого цельного организма и лишено иерархической организации. Оно страдает и бьется во всяком физическом теле, это — тело аффек-

¹ Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. С. 246–247.

та, напряжения, оно находится «во власти абсолютной витальной силы, силовых линий»². (Когда-то стоицкая идеология была придумана для оправдания духовного и физического бездействия «раба», его отказа от борьбы за воплощение идеала свободы. Гегель же говорил, что «истинное бытие человека только и есть что его действие», но это уже означало — преобразовывать реальное и отрицать налично-данное.)

По Гоббсу, только господство и подчинение являются единственной силой, способной преобразовать в одно тело то, что по природе разделено. Поэтому «общественный договор» может быть только договором полного подчинения. Попытки ограничить господство означают поставление под удар идейных корней договора — логическое их отрицание. Акт отречения индивидов от собственной воли и подчинения воле властителя является конституирующим актом, кладущим начало существованию сообщества. Исчезает дуализм «двух договоров» (о сообществе и подчинении), договор подчинения остается единственной формой социального объединения, благодаря которому возникает общественное целое³.

Среди новых открытий разума было одно роковое для него — человек не был свободен. Когда возник вопрос о свободе, Гоббс дал свой ответ: свобода — это власть, а власть — это право. «Если эпоха Возрождения открыла человека как микросмос, то Просвещение открыло его уже как материю, и теперь оно использовало любой повод, дабы показать, что человек не свободен. Из этого посыла извлекался вывод, который навсегда останется памятным в силу своей нелогичности, что «человек должен быть политически свободен»: либерализм, начав с «прав человека», породил революционные государственные идеалы, в конце концов подавив третье сословие, некогда сформировавшее его главную идею. (По мнению Вильфредо Парето, общество вообще может существовать только благодаря нелогичному поведению людей. Не сами объекты вызывают чувства, а уже ранее существовавшие чувства выбирают себе подходящие объекты, каковы бы они ни были. Поэтому и насилие воспринимается в зависимости от характера самого воспринимающего субъекта: иллюзорное требование устранить всякое насилие чаще всего заканчивается только ростом насилия — па-

цифисты тем самым содействуют провоцированию войн, а гуманисты — ускорению революций.)

В XVII–XVIII веках теория «прав человека» стала орудием в руках «третьего сословия» в его борьбе с абсолютной монархией. Политика теряла свой статус причины, для того чтобы стать только следствием: во главу угла ставится социальный контракт, заключенный между индивидами. Власть уже больше не организатор, но лишь вторичный продукт общества, некая негативная суперструктура, перманентно угрожающая интересам его членов: происходит, как заметил А. Бенуа, тройная революция, когда понятие «воля» подчиняется понятию «порядок», индивид помещается в центр права и становится его атрибутом, а само право отождествляется со справедливостью, приобретая ярко выраженный моральный оттенок⁴: «юридический материал» перестает быть справедливым решением, но становится совокупностью санкционированных норм и правил.

«Идолопоклонничество» нормативизма часто выливается в преклонение перед нормой, подчас уже утратившей прежнее содержание. «Иногда это выражается в кодификации форм, установленных бесформенной властью и лишенных всякого высшего освящения», но еще чаще оно сводится к общему рутинному праву, объединенному управлению. Юлиус Эвола замечает: «Кризис традиционного мира пробудил к жизни древний субстрат, «матриархальный» и натуралистический по своей сути, за счет падения престижа, которым прежде обладал отцовский символ... «Материя» освободилась от уз «формы» и получила верховную власть. Демократия, массы, «народ», «нация»... в противовес тому, что представляет собой государство», — все это разновидности иной инверсии, в ходе которой принципы политического идеала утратили свой патриархальный характер и стали связываться исключительно с натуралистической субстанцией, с миром количества и с иррациональностью коллективных чувств, приводимых в движение мифами⁵.

Эдмунд Бёрк утверждал, что революции воодушевляются мифическими спекуляциями об абстрактных правах, а заканчиваются беззаконием и деспотизмом, тогда как реальные права могут быть обеспечены только благоразумной адаптацией существующего. Но революция выявила и непредсказуемость, и нерешительность либерализма, сформирова-

² См.: Фокин С.А. Делез и Ницше. СПб.: М., Аксиома, 2001. С. 182–183.

³ Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 282.

⁴ Бенуа А. Против либерализма. СПб.: М., Амфора, 2010. С. 349.

⁵ Эвола Ю. Лук и булава. СПб., 2005. С. 132–133

ровав в противовес его идеологии новое национальное самосознание. Вот тогда-то суверенитет и выплеснулся на улицы, чтобы «принудить быть свободным каждого», кто не хотел добровольно подчиниться «общей воле»: ведь «народ не ошибается». (В эпоху же Реставрации все тот же либерализм при помощи «общественных слов» создает вполне определенную и конкретную власть, которая, правда, весьма скоро стала служить отдельным личностям: вместе со словом «свобода» восставшие массы отводились подалее от опасных баррикад к вполне безопасным избирательным урнам⁶.) Но идея права не могла осуществиться сама собой, для претворения ее в действительность ей необходимо было придать конкретные образ и форму. Чтобы избежать политических опасностей «суверенитета», нормативная теория права в своем противопоставлении общего и конкретного, лица и идеи разделила личность и формальный авторитет, приказное, императивное решение и общую форму права. Но «каждая правовая мысль переводит идею права, которая никогда не становится действительностью в чистом виде, в иное агрегатное состояние и добавляет момент, не выводимый ни из содержания правовой идеи, ни из содержания применяемой правовой нормы»: конкретное юридическое решение содержит в себе момент содержательной неразличности, и для его преодоления необходимо новое решение, т.е. волевое определение правовой ценности: юридическое заключение нельзя полностью вывести только из его предпосылок⁷.

Победа воли над идеей, произошедшая как в политической, так и правовой сферах, существенным образом изменила ситуацию. Политика становилась искусством согласования существующих властных структур с «тем, что живет в глубине». Решение освобождалось от любой нормативной связанности и становилось абсолютным, как это обычно бывает в ситуации чрезвычайного положения: всякое право стало представляться «ситуационным правом», и Ницше провозгласил «победу имманентности над трансценденцией».

Получалось, что идея — это только неосуществленная фантазия, всегда оперирующая символами и верой: в ней самой сочетаются смысл и образ. «Идея, поступающая из номоса созидания в номос воли, это всегда притязание: при этом всякое значительное реше-

ние становится символом» (Г.А. Грунски). В политической сфере, обращаясь к авторитету тех или иных идей справедливости, символические институции формируют принцип легитимности, пригодный для процессов функционирования власти и осуществления судопроизводства, для поддержания закона и порядка. Такая легитимация устанавливает объем юридических прав и процедур, которые указывают на коренные признаки человеческой и социальной идентичности: рождается центр системы символов, ценностей и верований, управляющих обществом. Эта «центральная зона обладает сакральной природой, и в этом смысле каждое общество имеет свою собственную «официальную религию», даже когда это общество... позиционирует себя... как секулярное, плюралистическое и толерантное: принцип Контрреформации «чья власть, того и вера», как оказалось, сохраняет свое значение, даже если его строгость уменьшается, а его жесткость смягчается⁸.

Физическая, «телесная» субстанция власти всегда существует параллельно с ее символической значимостью. Насилие же поэтому пребывает в обеих ипостасях, свободно перемещаясь из области материального (психическое тоже следует рассматривать как сектор материальной сферы) в идеальную символическую область. Исторических примеров для этого объяснения вполне достаточно.

Символические параллели между мистическим телом Христовым и мистическим телом государства, общностью верующих и общностью подданных в эпоху Средневековья основывались на известной идее о «двух телах короля». Нематериальное тело короля, дополняющее его физическое тело, представлялось важным атрибутом, переходящим от наследника к наследнику. И цена такой устойчивости равнялась «извечной укоренности в неизменно присутствующем нематериальном теле короля». Членами «политического тела» становились все подданные, образующие единый корпус, и это тело было бессмертным. Жан Боден сформулировал эту идею в терминах публичного права: «верховная власть есть абсолютное и непрерывное могущество», ее выражением и является мистическое тело короля. В одной персоне оказывались воплощенными сразу два тела, а «королевское величие становится средоточием образа неподвластного времени государства, телесной репрезентации того, что бесплотное». («Политическое основа-

⁶ Арент Х. О революции. М.: Европа, 2011. С. 344–345.

⁷ Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 49–50.

⁸ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 778–780.

ние покоится на абсолютном круговращении значений: сообщество располагает телом в качестве смысла, а тело — сообществом в качестве смысла. Следовательно, тело располагает сообществом — его учреждением — в качестве знака, а сообщество располагает телом — телом короля или ассамблеи — в качестве знака». Для политики уже не имеет значения наличие справедливости, равенства или свободы, речь не идет о том, чтобы наделить данные вещи значением, речь идет о том, чтобы дать им место, создать политическую протяженность⁹.)

XVIII век продемонстрировал окончательный кризис этой идеи: произошло постепенное развоплощение власти, в значительной мере обусловленное все возрастающей ее сложностью и расплывчатостью, возникающей из-за умножения политически действующих лиц и институтов: «Государство превращалось в систему, тем менее склонную к физическому олицетворению, чем более его присутствие расплывалось, становилось абстрактным: теперь это была тяжеловесная и удаленная организация». По праву монарх оставался источником основополагающего принципа, но его символического потенциала теперь уже не хватало для реализации символического потенциала целого государства, вот тогда и появляются новые конституирующие символы и принципы идентичности, один из них — парламент, представляющий особый «корпус», тоже некое «политическое тело», которое теперь уже не равнозначно политическому телу короля¹⁰.

Первоначально двойственное тело было у народа, а не у царя. Эта двойственность не что иное, как «пустое дополнение, благодаря которому существует политика — в дополнение ко всякому социальному подсчету и в качестве исключения из всех логик господства». Вопрос политики растворяется в вопросе власти и обосновывающей власти изначальной ситуации: «Тем самым либеральная фикция общественного договора удваивается репрезентацией изначальной жертвы» (Ж. Рансьер)¹¹.

Насилие существует сразу в двух сферах «верха» и «низа». Для каждой из них свойственна собственная фигура, персонифицирующая могущество и силу. Такую пару образуют суверен и палач (Жозеф де Местр

посвящает целую оду палачу — как неизбежному и необходимому персонажу). Суверен и палач выполняют важнейшие, симметрично связанные между собой должности, «один — в сиянии света, другой — в темноте позора», но вместе они обеспечивают сплоченность общества. Один привлекает к своей особе все почести, оказываемые верховной власти, другой несет на себе груз грехов, которые влечет за собой отправление этой власти. В их руках жизнь людей, но если один имеет право помилования, другой несет смерть. В ужасе, который оба внушают, содержится некое сакральное начало. Один защищает чтимые ценности и институции, другой «заражается скверной от тех, кого общество передает в его руки», хотя сам является орудием правосудия.

Французская революция попыталась придать палачу респектабельный вид и значимость (Конвент присваивал экзекуторам специфические звания, Национальное собрание запретило произносить слово «палач», заменив его словом «народный мститель»). И тогда же возвышению палача соответствовало падение короля: одного вводят в законные рамки, тогда как другого выводят из них¹². (Символическое значение революционных праздников было весьма велико, а участие в них насилия придавало им еще более глубокий смысл.) Праздник прибегал к «ироической жестокости для того, чтобы избавиться от нее участников торжества. Такое «карнавальное» преступление границ, подчиняющееся строгим правилам, позволяло избежать более серьезного хаоса социального насилия. Праздник как бы обыгрывал насилие, но лишь для того, чтобы оптимальным образом его прекратить. «Допустить вторжение игрового, т.е. имеющего пределы, насилия значит покончить с насилием реальным, т.е. неограниченным¹³. (Так, сам судебный процесс над королем превращался в некое театральное представление, вызывающее социальный страх и эстетическое отвращение.) Насилие предупреждало тех, кто пытался в праздничном ритуале «создать гармонию между моральной и политической сферой» (Робеспьер), напомнить им о том, что революция еще не завершена.

Физическое и символическое соединяются только в момент действия власти. И правовая норма поэтому выходит из области символического (где она пребывает наряду

⁹ Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad marginem, 1999. С. 102–103.

¹⁰ См.: Вигарелло Ж. Тело короля // История тела. В 3-х томах. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 298–315.

¹¹ Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 206.

¹² Кайуа Р. Социология палача // Игры и люди. М.: ОГИ (Объединенное гуманитарное издательство), 2007. С. 221–223.

¹³ Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 143.

с языковыми символами) в среду «телесного» только в ходе правоприменения. Само же насилие обладает колоссальным символическим потенциалом, и подчас власти достаточно только символического воздействия (которого лишено «голое насилие»), чтобы заставить подчиняться себе: из ее отдельных символических актов складывается целый порядок, система, насыщенная законами и шифрами.

Символическое живет в бессознательном и воображаемом, поэтому каналы его воздействия иные, чем каналы физического воздействия власти. Символический порядок предписывается, навязывается государством через мыслительные структуры, общепринятые категории восприятия и классификации, но в соответствии с «телесными предрасположенностями» и воспринимается уже не как механическое подчинение силе или сознательное восприятие порядка: «Социальный мир изобилует призывами к порядку, которые выполняют только те, кто предрасположен их замечать, кто обнаруживает глубоко заложенные телесные диспозиции».

Доксическое подчинение связывает их бессознательными нитями с установленным порядком: признание легитимности отнюдь не является актом ясного сознания, оно коренится в непосредственном согласовании инкорпоративных структур, ставших бессознательными, со структурами объективными¹⁴. Источник физической власти осязателен, источник власти символической неуловим: эффект символического «мерцания», когда за, казалось бы, последним в цепочке символом вновь оказывается еще один, еще более глубокий символ, делает эту власть загадочной, таинственной и поэтому более убедительной. Вера в абсолютную истинность правовой нормы (правовой нигилизм — только обратная сторона такой веры) основывается на этой тайне власти: чем менее осязательной и обыденной представляется власть, тем мощнее ее воздействие. Тогда и рождается миф о справедливой власти и непоколебимом законе, чем объясняется столь длительное и скрытое влияние идеи о его божественном происхождении.

Почитание-за-истинное (М. Хайдеггер) получает закон и правило из справедливости, понимаемой, как сознание, выделение и уничтожение. Сущностью власти становится преодоление, т.е. возвышение над самим собой: «Власть воспринимается как некий вид насилия, и под усилением власти и превос-

ходством понимают как накопление и подготовку средств насилия, так и их возможное задействование и использование». Насильственное проявляется как произвольное и не подчиняющееся подчету, как слепое извержение, — то, что извергается, и называют «силами»: «Насилие есть стремящееся к извержению, не властвующее над самим собой накопление сил». Сила же есть только способность к действию, силы — это точки воздействия, сосредоточение того, что изливается под напором: здесь власть постигается как вид насилия, а насилие — как сила, а сила — как далее постигаемый теснящий напор, который, однако, всюду дает знать о себе, о своем воздействии: мир представляет собой динамику силовых центров и взрывов (М. Фуко будет говорить о распыленности и разбросанности властных центров в пространстве)¹⁵.

Олицетворением символической власти является политическая партия, вокруг которой, ее знамени и репутации, объединяются избиратели с целью установить некое единство в понимании сущности проблем. «Дабы легче овладеть их симпатиями, стремились преимущественно воздействовать на их чувства... Дабы заставить функционировать режим, который, казалось, должен был бы быть режимом разума, — менее всего действовали на разум. Сведенные к пассивному сотрудничеству, индивиды черпают свои силы не в разумной ассоциации, но в корпорации, в этой «низкой форме солидарности, объединяющей путем исключения», где действуют презрение и ненависть к другим¹⁶.

В жертву частным интересам приносятся интересы государства, которые представляются отдаленными и менее необходимыми. И чем больше людей привлекается к государственным делам, тем меньше интерес к общему благу. «Чувственное общество» (П. Сорокин) подготовило свое добровольное подчинение грубому насилию, освободив себя от абсолютов и категорических императивов. Человек, лишенный этих «предрассудков», оказывался игрушкой в руках случайных сил, и для его уничтожения уже не требовалось ни вины, ни преступления, ни реальной причины. Чувственная этика тем самым зашла в тупик¹⁷.

Правовые правила возможно разделить на два типа: первые устанавливают обязан-

¹⁴ Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства. СПб., М., Алетейя, 2005. С. 244–246.

¹⁵ Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 556–559.

¹⁶ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1930. С. 546–547.

¹⁷ Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009. С. 211–212.

ности, вторые — предоставляют частную или публичную власть (Г.Л.А. Харт), при этом высказывания об обязанностях трактуются не как суждения психологического порядка, но как «подсчет шансов», и тем самым как бы отвергаются все метафизические представления о долге и обязанности как «незримых объектах, загадочным образом существующих» «над» или «за пределами»¹⁸. И символическая власть — осязаемая, но невидимая власть, которая может осуществляться только «при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам ее осуществляет» (П. Бурдьё). Такая власть утверждает свою данность через высказывание, заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира, оказывать квазимагическое воздействие на мир: «Именно вера в легитимность слов и того, кто их произносит, вера в то, что производитель не принадлежит произведенным им словам, превращает власть слов и лозунгов во власть поддерживать или низвергать порядок»¹⁹.

Литература

1. Арент Х. О революции / Х. Арент. М., 2011. С. 344–345.
2. Бенуа А. Против либерализма / А. Бенуа. М., 2010. С. 349.
3. Бурдьё П. О символической власти / П. Бурдьё // Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 244–246.
4. Вигарелло Ж. Тело короля / Ж. Вигарелло // История тела. М., 2012. Т. 1. С. 298–315.
5. Кайуа Р. Социология палача / Р. Кайуа // Игры и люди. М., 2007. С. 221–223.
6. Кассирер Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер. М., 2004. С. 282.
7. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Ж.-Л. Нанси. М., 1999. С. 102–103.
8. Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799 / М. Озуф. М., 2003. С. 143.
9. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / М.Я. Острогорский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 640 с.
10. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. М., 2006. С. 206.
11. Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. М., 2000. С. 246–247.
12. Сорокин П. Кризис нашего времени / П. Сорокин. М., 2009. С. 211–212.
13. Фокин С.Л. Делез и Ницше / С.Л. Фокин. СПб.: АХИОМА, 2001. С. 182–183.
14. Хайдеггер М. Ницше / М. Хайдеггер. В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 556–559.
15. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт. СПб., 2007. С. 88.
16. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. М., 2000. С. 49–50.
17. Эвола Ю. Лук и булава / Ю. Эвола. СПб., 2005. С. 132–133.
18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 778.

¹⁸ Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., М., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 88.

¹⁹ Бурдьё П. Социология... С. 95.

Земская реформа Ивана Грозного: правовой прогресс или государственный регресс?

Чупилкина Айгуль Фаридовна,
доцент кафедры государственного права
Восточной экономико-юридической гуманитарной академии,
кандидат юридических наук
aygul8@yandex.ru

Ставя перед собой задачу ответить на вопрос, оказала ли земская реформа Ивана Грозного интеграционное, эволюционное воздействие на экономическую жизнь страны, автор приводит совокупность обстоятельств государственно-правового масштаба, которые говорят о том, что проведенные перемены, предопределявшие хозяйственное развитие, невозможно рассматривать в отрыве от всех общественно-политических процессов Московской Руси. В частности, созданный царем институт опричнины обозначен как мощное, неискореняющееся явление, наложенное трафаретом на последующую многовековую историю отечественного государства и права. Сформулирован вывод о том, что Российское государство второй половины XVI века находилось в состоянии многосторонне-го кризиса, обусловленного волей одного лица и уничтожившего содержание и смысл любой реформы.

Ключевые слова: земская реформа, Иван Грозный, крестьяне, ремесленники, антиконституционный институт, опричнина.

Zemstvo Reform of Ivan the Terrible: Legal Progress or State Regress?

Chupilkina Aygul F.,
Assistant Professor of the State Law Department
of the Eastern Academy of Economics, Law and Humanities,
Candidate of Legal Sciences

While setting itself a task to find out whether the zemstvo reform of Ivan the Terrible had integrative and evolutionary impact on the economic life of the country, the author specifies a range of circumstances of state and law scale, which suggest that the implemented reforms predetermining economic development cannot be considered in isolation from all social and political processes of the Muscovite Russia. In particular, the institute of oprichnina established by the tsar is presented as a powerful and incurable phenomenon setting a pattern for the subsequent centuries-long history of the home state and law. It is concluded that the Russian state of the second half of the 16th century was in a many-sided crisis, which was caused by will of one individual and which obliterated content and essence of any reform.

Key words: zemstvo reform, Ivan the Terrible, peasants, artisans, anticonstitutional institution, oprichnina.

Историки ссылаются в основном на благоприятную обстановку для подъема экономики в XVI веке.

Россия всегда была страной земледельческой. Основной земледелия был крестьянин. Фундаментом царской казны являлись результаты крестьянского труда.

На положение крестьянства непосредственным образом влияла имевшаяся система местного управления, поскольку, помимо бремени тягла, местное население до середины XVI века было обязано содержать и должностных лиц (наместников, волостелей) весь период их службы, присылаемых на места в качестве доверенных лиц. Такой порядок определяла еще «Русская Правда». Свой корм кормленщики¹ получали продоволь-

ствием, для лошадей поставлялись овес и сено. Более того, кормленщики в свою пользу собирали различные пошлины. Сложившаяся система порождала злоупотребления местных должностных лиц, так как со временем должность стали рассматривать не как естественный механизм для прокорма, пропитания на период службы, а как средство обогащения. Что породило уже в XIV веке уставные грамоты наместничьего управления, которые выдавались на имя населения административного округа и содержали в се-

населения. От лица князей в города и волости посылались бояре — в качестве наместников, волостелей или служилые люди — в качестве тиунов. Кормление получило распространение на Руси в XIII–XVI веках. В XII–XIV веках кормление сыграло заметную роль в складывании системы местного управления.

¹ Кормление — способ содержания должностных лиц (княжеской администрации) за счет местного

бе перечень видов корма, пошин и проч., свыше которых наместники и волостели взимать не имели права. Также был определен порядок судебной ответственности кормленщиков по жалобам населения. Несмотря на принятые меры, кормления продолжали оставаться главным средством содержания правительственных слуг. В XVI веке сложившаяся конструкция местного довольствия должностных лиц так разрослась, что привела к полному беспорядку и растерянности центрального правительства: население продолжало жаловаться на насилие и произвол со стороны кормленщиков, кормленщики же жаловались на то, что люди им не даются под суд и разбегаются.

Историк С.М. Соловьев описывает обстановку на местах следующим образом: «И вошло в слух благочестивому государю царю, что многие города и волости пусты учинили наместники и волостели, презрев страх божий и государские уставы, и много злокозненных дел учинили, не были пастьиры и учителя, но сделались гонителями, разорителями»².

Впрочем, В.О. Ключевский называет еще одну (вероятно, более весомую) причину для отмены системы кормлений — в связи с тем, что Иван Грозный непрерывно вел войны, фактически ежегодно объявлялась мобилизация ратных людей, при этом в Московской Руси военно-служилый класс имел двойную роль: являлся не только боевой силой, но и служил органом управления. В сложившемся порядке наблюдалась ярко выраженная противоречивость: военные оказывались неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть безукоризненными военными. К тому же трудности военного призыва вызывались территориальной разбросанностью людей по кормленным местам, порядок же управления проигрывал из-за того, что руководящие органы покидали дела для похода³.

Отметим, что с большой долей вероятности на повестке дня первого Земского собора была именно отмена данного института. Поскольку следом реформенной новинкой Судебника 1550 года была замена суда наместников и волостей выборными от наро-

да старостами и целовальниками. Под 1552 год встречаются известия о поручении государя боярской думе рассмотрения вопроса о кормлениях. В 1555 году выходит указ об окончательной отмене кормлений и о замене в городах и волостях наместников и волостей излюбленными головами, старостами и целовальниками. Все поборы в пользу наместников и тиунов были заменены денежным сбором — откупным оброком, который теперь послужил фондом для выдачи жалованья государевым слугам взамен упраздненного института.

Именно отмена кормлений, замена наместников и волостей выборными органами местного самоуправления с передачей им большей части судебной власти и функций уголовной полиции явились предметом революционной земской реформы Ивана IV. Бразды местного самоуправления взяла на себя верхушка сельского и городского населения. Справедливости ради следует обратить внимание на то, что замена местного правительственного управления местным земским самоуправлением, изначально задуманная как общая мера, произошла не одновременно и не повсеместно. Объяснение находим в том, что право управляться своими выборными властями давала откупная грамота, т.е. волость определенной суммой, вносимой в казну, откупалась от наместников и волостей. Если в адрес правительства таковой просьбы не поступало, невыгодным считая новый порядок вещей, то оставался старый порядок.

Оказала ли земская реформа влияние на экономическое развитие страны? В потенциале, безусловно, да. Сбор податей и решение различных хозяйственных дел осуществлялось именно на местном уровне. Поэтому установление более демократичного выборного режима на местах, где происходит непосредственное соприкосновение населения с представителями государственной и/или местной власти, приводит к тому, что подданный (гражданин) убеждается в реальности народовластия, обусловленной предоставлением свобод, что гарантирует определенность завтрашнего дня и всегда вызывает повышение доверия населения к руководству; культурный всплеск и рост предпринимательской активности, в совокупности являющихся парадигмой государственного экономического благополучия (в качестве наглядности результатов от предоставления свобод личности можно напомнить о примере эпохи Возрождения, приходящейся как раз на XV–XVI века Западной Европы, имеющей мировое значение и от-

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 7. Гл. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv07p1.htm>.

³ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция тридцать девятая // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch>.

разившейся на истории науки, культуры и общественно-политической жизни). В обратном случае — удостоверяется в господствующей диктатуре, которая всегда погружает страну в экономическое отставание.

Желающим контраргументировать концепцию экономических достоинств демократии и развить мысль о достижениях жесткой руки диктаторского режима напомним о ценности человеческой жизни и необходимости осознания природы такого роста экономики.

Так оказала ли земская реформа интеграционное, эволюционное воздействие на хозяйственную, политическую жизнь страны? Помогла ли она сложному положению крестьянства, ремесленничества? Произошло ли в Московской Руси XVI века возрождение фундаментального для политической и экономической жизни государства среднего класса? Или тезис об экономическом подъеме при Иване Грозном является скорее нашей исторической иллюзией, нежели сложившимся в далеком столетии фактом?

Во-первых, содержание земского самоуправления второй половины XVI века скорее заключалось не в предоставленной возможности местному населению заведовать своими делами, а в возложении общегосударственных задач и ответственности за их неисполнение на самую незащищенную и угнетенную часть — тяглое население. Право выбирать своих управителей было равносильно обязанности отвечать за их деятельность. Основным стимулом для верхушки земских учреждений надлежащим образом исполнять приказные поручения государя по сбору налогов и сборов были строгий надзор и их отчетность перед центральным правительством. Введенная государственная ответственность местных управителей не имела ничего общего с гражданской ответственностью кормленщиков перед местным населением.

Во-вторых, помимо двусмысленного характера введенного «самоуправления», также сомнительно, что реформа произвела интегративное воздействие на административно-территориальное устройство государства. На тот исторический период административным округом являлся уезд. Представлял он из себя совокупность всех волостей, тянувшихся к известному городу. Но как до, так и после земской реформы уезд не олицетворял собой цельного государственного элемента. Ранее управление волостей слабо было скоординировано с управлением наместников. В пореформенное время сельское и городское самоуправление совершенно изолировались друг от друга, не имея связующе-

го уездного органа. Помимо того, как пишет В.О. Ключевский: «...территориальная дробность местного управления соединялась еще с его ведомственной сложностью. В нем действовали рядом 4 ведомства: губное, церковное, простиравшееся и на мирян, состоявших на службе при церковных учреждениях или живших на церковных землях, служилое дворянское и земское в собственном смысле, к которому принадлежало все тяглое население, жившее в городах и селах на землях казенных, дворцовых и частновладельческих, не церковных. Притом и земское ведомство разветвлялось на три особых управления: судебное, хозяйственное и верное»⁴.

Недостаток взаимосвязанности юридических правил игры, единства правовых институтов в данном случае опять же приводил к незащищенности самых уязвимых из тяглое сословия — крестьян и ремесленников. Описываемый академиком С.М. Соловьевым сложившийся порядок взаимоотношений на местах относительно крестьянства, утвержденный Судебником 1550 года (имеется в виду крестьянский выход, т.е. право крестьянина переходить от одного землевладельца к другому один раз в году — на Юрьев день), больше напоминает картину вседозволенности сильных и бесправия слабых, нежели внесения послаблений в крестьянские ряды и их оживление. Перезыв крестьян сопровождался насилием: «Помещики, пользуясь беспомощным состоянием своих соседей, вывозили у них крестьян не в срок, без отказа и беспошлинно. ...Иногда землевладелец, взявши с отказывающегося крестьянина все пошрины, грабил его, и, когда тот шел жаловаться, землевладелец объявлял его своим беглым холопом и обвинял в воровстве»⁵.

В-третьих, — и мы уже ссылались на эту закономерность — предоставление свобод инерционно приводит к культурному всплеску и росту предпринимательской активности. Однако историко-правовые факты указывают на то, что русских мастеров — исторических прообразов современных индивидуальных предпринимателей было чрезвычайно недостаточно. Такие реалии, к примеру, вытекают из грамоты Ивана IV к новгородским дьякам в 1556 году: «Ес-

⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция тридцать девятая // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch>.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 7. Гл. 1 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv07p1.htm>.

ли случится у кого-нибудь из детей боярских и всяких людей немец пленный, умеющий делать руду серебряную и серебряное, золотое, медное, оловянное и всякое дело: то вы бы велели таких пленных детям боярским везти к нам в Москву, и мы этих детей боярских пожалуем своим великим жалованием»⁶. Это был не сиюминутный интерес, выраженный в акте, а именно тревоги и хлопоты царя, имеющие протяженность во времени. Из чего следует, что заявленные на Земском соборе 1550 года демократические установки молодого государя для всего народа, всех классов к взаимному всепрощению и дружной деятельности на общую пользу, обещания государственного порядка и правосудия были не более чем фикция.

С данным утверждением согласуется четвертое обстоятельство, а именно психологический портрет Ивана Грозного, данный нам одним из лучших историков России — Н.И. Костомаровым. Так, в фундаментальном труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» на базе летописей, правовых актов, дипломатической документации и личной переписки царя автор дает ему характеристику человека с дикими наклонностями, хитрого, свирепого, бессердечного, жадного, не испытывающего чувства привязанности, любви, сострадания и проч.: «Будучи вполне человеком злым, Иван представлял собою также образец чрезмерной живости, как бы в подтверждение того, что злость и ложь идут рука об руку»⁷. Переданный образ полностью раскрывает замысел создания почти всех правовых институтов и систем государственного управления Ивана IV, в частности созыва Земского собора и инициирования земской реформы, как форм переложения ответственности за происходящее в стране на других лиц. Информация о тяготах и волнениях народа, стекавшаяся к главе, безусловно, не могла остаться им незамеченной. Ведь на протяжении всей истории человечества у любой недемократической власти в иерархии задач на первом месте — самосохранение. В чем царь, безусловно, преуспел. Академик С.Ф. Платонов ссылается на то, что, несмотря на ужасы второй половины царствования, «подданные не считали Ивана больным или умалишенным человеком; напротив, о Грозном царе говорили, что он

был «муж чудного рассуждения»; Грозного царя народ славил в своих песнях»⁸.

В-пятых, помимо беспрепятственности ведения войн, требовавших возрастающих затрат, введенный из-за постоянно ожидавшегося царем «заговора» государственный террор против собственной княжеской аристократии, вошедший в историю как «опричнина» (1565–1572 гг.), вообще привел к полному внутреннему разорению Московской Руси, опустошив численный состав собственного населения и разрушив хозяйственный порядок в центральных областях. Суть государственного института опричнины заключалась в разделении всего общества на народ и опричных. Опричникам, избранным самим царем и присягнувшим ему на личную верность, были предоставлены безграничные права на нахождение, разграбление и убийство «изменников». У другой части подданных прав не было. Чтобы быть в безопасности, надо было стать опричным — отделиться от народа.

В качестве примера здесь необходимо привести один из самых противоречащих здравому рассудку эпизодов восточного Ивана IV. Экономическим центром Московской Руси являлся Новгород Великий. Значительность торгового оборота была обусловлена его месторасположением в сердце России, удобством дорожных сообщений, плодородностью почв, густонаселенностью и разнообразием производимых товаров. Царь лично с опричным войском в начале 1570 года под предлогом подозрения в измене произвел «Новгородский погром», данные о численности которого доходят до половины жителей города⁹. А если принять во внимание то, что торговлей на тот период занималась половина городского населения и основной задачей погрома Великого Новгорода являлось пополнение пустующей царской казны, из такой информации следует, что в подавляющей доле погибших значилось то самое крупное и мелкое купечество, ремесленничество, представлявшее из себя самую энергичную, предприимчивую часть российских людей.

Народонаселение уходило на окраины государства, где не было ужасов террора. Бегство крестьян привело к потребности их насильного удержания на местах, что породило

⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч.

⁷ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Гл. 20. Царь Иван Васильевич Грозный // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom20.htm>.

⁸ Платонов С.Ф. Учебник Русской истории. § 61 (1). Борьба Ивана Грозного с боярами, опричнина // [Электронный ресурс]. URL: <http://rushiist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/239-plat-tut-61-1>.

⁹ Новгородский погром // [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1579355>.

установление «заповедных лет» — запрещение крестьянского перехода от одного феодала к другому, введенное правительством в 1581 году и явившееся начальным этапом учреждения крепостного права — внеэкономического института, вообще парализующего какую-либо активность и способности. Даровитые и влиятельные бояре, которых не успели уничтожить, бежали за границу.

На этом фоне говорить о процессе, результатах земской реформы не представляется возможным. Произошло моральное и экономическое разложение всего общества. К концу правления Ивана IV центральная часть Московской Руси так запустела, что с этих земель царь не получал ни воинов, ни податей. Как описывает простиравшуюся картину Н.И. Костомаров: «Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей»¹⁰.

С точки зрения такой научной категории, как правовопонимание, сегодня мы можем сказать об учреждении во второй половине XVI века Грозным царем абсолютно антиконституционного государственного института «опричнина» — очень мощного, неискореняющегося явления, наложенного трафаретом на последующую историю Российского государства и права.

К сожалению, драматическое влияние репрессивного режима опричнины в целом на судьбу страны еще недостаточно исследовано и оценено историко-правовой наукой¹¹.

¹⁰ Костомаров Н.И. Указ. соч.

¹¹ К примеру, тема опричнины изредка затрагивается диссертантами по специальностям «Исторические науки» 07.00.02, 07.00.09, однако практически не встречается в диссертациях по специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений». См.: Горшков И.Д. Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев (на примере сочинений Альберта Шлихтинга). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; Назаренко Т.Ю. Опричники. Опыт историко-психологического исследования. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995; Сайнаков Н.А. Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005; Свак Дюла. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Мы привели лишь часть обстоятельств государственного-правового масштаба (к примеру, не коснулись льгот на торговлю, предоставлявшихся монастырям и царской монополии на самые прибыльные товары, ставящих указанных субъектов в абсолютно господствующее положение и разорявших ряды хозяйственников), которые говорят о том, что земскую реформу Ивана Грозного, предопределявшую экономическое развитие страны, невозможно рассматривать в отрыве от всех общественно-политических процессов Московской Руси.

Ознакомляясь с оставленным наследием Ивана Грозного, напрашивается вывод о том, что Российское государство второй половины XVI века находилось в состоянии многостороннего кризиса, обусловленного волей одного лица и уничтожившего содержание и смысл любой реформы.

Литература

1. Горшков И.Д. Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев (на примере сочинений Альберта Шлихтинга). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция тридцать девятая // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch>.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Глава 20. Царь Иван Василевич Грозный // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom20.htm>.
4. Назаренко Т.Ю. Опричники. Опыт историко-психологического исследования: Дис. ... канд. ист. наук: Томск, 1995.
5. Новгородский погром // [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1579355>.
6. Платонов С.Ф. Учебник Русской истории. § 61 (1). Борьба Ивана Грозного с боярами, опричнина // [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/239-plat-tut-61-1>.
7. Сайнаков Н.А. Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005.
8. Свак Дюла. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Диссертация канд. ист. наук. 1984.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 7. Гл. 1 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv07p1.htm>.

Генезис американского федерализма и федеративного государства в историко-правовом и конституционном измерении

*Сафонов Владимир Евгеньевич,
заведующий кафедрой истории права и государства
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
kaf_istorii08@mail.ru*

*Миряшева Екатерина Владимировна,
профессор кафедры конституционного права
имени Н.В. Витрука Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
kkp@rsuj.ru*

В статье рассматриваются вопросы происхождения американского федерализма и федеративного государства в историко-правовом и конституционном аспектах. Представлена авторская периодизация конституционно-правового развития американского федерализма. Выявлены отличительные черты федеративной организации США.

Ключевые слова: американская модель федерализма, федеративное государство, сепарация, децентрализация, Декларация независимости, конституционализм.

Genesis of American Federalism and Federative State in Historical Legal and Constitutional Dimension

*Safonov Vladimir E.,
Head of the Department of History of Law and State
of the Russian State University of Justice,
Doctor of Law, Professor*

*Miryasheva Ekaterina V.,
Professor of the Constitutional Law Department
named after N.V. Vitruk of the Russian State University of Justice,
Doctor of Law, Assistant Professor*

The article deals with the issues of origins of the American federalism and federative state in historical legal and constitutional aspects. It presents the author's division into periods of the American federalism constitutional legal development. Distinctive features of the USA (United States of America) federative organization are revealed.

Key words: American federalism model, federative state, secession, decentralization, Declaration of Independence, constitutionalism.

Проблема федерализма в современном мире имеет значительный научный и практический интерес в связи с возникновением вопросов о степени оригинальности и устойчивости той или иной федеративной модели, движущих силах и векторе ее развития, конституционно-правовом оформлении и легитимности. Именно с этих позиций в статье приведены результаты исследования актуальных проблем генезиса американского федерализма и федеративного государства в

историко-правовом и конституционном измерении.

Научный анализ трансформации американского федерализма и тенденций конституционно-правового регулирования американского федеративного устройства в рамках не только истории и теории федерализма, но и в контексте общей теории права позволяет лучше понять и процессы, происходящие сегодня, в современном российском обществе.

Как известно, обеспечение конституционно-правовой безопасности и целостности любого многонационального и многоконфессионального государства требует учета исторической практики государственно-правового строительства на региональном уровне, особенностей отдельных территорий, сложившихся религиозных и социальных традиций и обычаев населяющих их народов. Достаточно сказать, что американские колонии заселялись преимущественно выходцами из Европы, в это же время коренные обитатели подлежали изгнанию. Данная ситуация означала образование принципиально новых сообществ, существовавших в условиях отсутствия в них традиций, социальных и правовых институтов, свойственных метрополии.

Выявление историко-правового и конституционно-правового опыта перехода колоний к штатам позволяет вскрыть закономерности развития субъектов федерации, что нередко игнорируется в некоторых научных исследованиях и, наоборот, дает возможность понять, в какой степени развитие законодательства колоний и будущих штатов способствовало непосредственному формированию конституционно-правовых принципов и норм, учитывающих особенности социальной и конституционно-правовой структуры нового общества, религиозных факторов, культуры, языка, многонационального состава народонаселения.

Познание науки конституционного права, истории права и государства важно и с точки зрения формирования единого конституционно-правового режима становления нового американского федеративного государства, что, несомненно, образовывало определенную социальную и общеправовую основу защиты свободы и демократии, прав и свобод человека, если учесть, что данные процессы проходили в условиях принятия сначала хартий в колониях, а затем конституций — в штатах, восполнявших пробелы в праве, уточнявших или отменявших устаревшие законодательные акты.

С учетом сказанного принципиально важным становится исследование историко-правовых идей конституционализма и федерализма в североамериканских колониях и штатах в целях возможного использования их в теории и практике современного федеративного строительства, развития отечественной историко-правовой и конституционно-правовой науки.

На основе анализа исторической динамики в использовании конституционных принципов создания политической системы фе-

дерации и структуры органов управления штатов можно дать авторскую периодизацию конституционно-правового развития федеративного государства и американского федерализма.

Первый период (1620–1775) характеризуется созданием колоний (штатов) и их организационным устройством вплоть до Войны за независимость. Первые колонии (Вирджиния, Плимут, Массачусетс) учреждались прежде всего «в коммерческих целях», их «первейшей заботой» являлись торговля и получение прибыли. Политико-экономические отношения колоний с метрополией с начала XVII столетия до Войны за независимость в 1775 году определялись политической искусственной сдерживания развития капиталистических отношений, ограничения экономической активности буржуазии колоний, внешняя торговля которых полностью была поставлена под контроль Англии.

Второй период (1775–1787) имеет хронологические рамки от Войны за независимость, принятия Декларации независимости, подписания Версальского мира и до поиска оптимальной структуры государственного устройства. Концепция объединения колоний в единую федерацию возникла в середине XVIII века; она обусловлена общностью интересов колоний как в том, что касается торговли, так и в том, что связывалось с совместной защитой от Франции. Выдающуюся роль в конституционно-правовом развитии американских штатов и федерации сыграла Декларация независимости 1776 года, утвержденная Вторым Континентальным конгрессом. Декларация независимости стала историческим документом, с которого началось конституирование американской государственности, его принципы составили главные элементы будущей модели американского федерализма и конституции.

В колониальную эпоху конституции колоний почти полностью основывались на неписаных обычаях и традициях. В 1765–1775 годах неудачные попытки склонить британское правительство к признанию неписаных конституций заставили колонистов в 1776 году приступить к облечению их в исчерпывающую и конкретную письменную форму. Две колонии (Коннектикут и Род-Айленд) использовали в этих целях свои колониальные хартии. К концу Войны за независимость традиция писаных конституций закрепились в американской политической жизни, что представляло собой полный отход как от их «английского наследия», так и от своего раннеколониального опыта.

Третий период (1787–1877) включает в себя этапы принятия федеральной конституции, изменения структуры всей государственной власти единого федеративного государства с выделением исполнительной, законодательной, судебной ветвей власти. Гражданская война (1861–1865) и период Реконструкции (1865–1877) привели к завершению буржуазно-демократических преобразований в стране, что дало импульс для дальнейшего становления американского федерализма.

Четвертый период (1877 г. — до середины XX в.) связан с закреплением конституционных основ федеративной модели в США и развитием института федерализма как системообразующего элемента американской государственности. Последствия Гражданской войны обусловили усиление федеральной власти, что оказало влияние на совершенствование американского федерализма в середине XX века.

Для определения структуры правовых основ американского федерализма выделяется система параметров, совокупность которых дает основание считать данное государство, во-первых, федеративным, а во-вторых, выявить отличительные черты модели федерализма, определяющие характер федеративной организации США. Анализ этих параметров связан с определением признаков, составляющих устои американского федерализма, т.е. тех качеств, которые обозначают природу государства как федерации; устанавливаются принципы, структуру, способы и формы ее образования и функционирования; выявляются отличительные свойства системы разделения государственной власти по вертикали; характеризуются режим ответственности за ее осуществление.

Установлено, что идеологическую основу американского федерализма составили конституционные принципы, зародившиеся в середине XVIII века. Природа федерации, степень «федеральной демократии», уровень развития федерализма предопределяются тем, каким образом учреждается система разделения государственной власти между федерацией и ее составными частями, кто выступает субъектом федеративных отношений, что закрепляется в качестве объектов разделения государственной власти, как размежевываются и структурируются предметы ведения по вертикали в федеральной конституции, как и в каком объеме распределяется между федерацией и субъектами ответственность за осуществление государственной власти. Эти и иные связанные с ними параметры, используемые в единстве для

характеристики правовых основ федерализма, позволяющие обнаружить специфику американской модели федерализма.

Историко-правовая динамика развития американской модели федерализма прошла монистическую, дуалистическую и кооперативную стадии. Первая была свойственна периоду централизации (XVIII в.): поиску единства, противостоянию унитаризму и сепаратизму. Дуалистическая стадия (конец XVIII — XIX в.) связана со стремлением субъектов федерации (штатов) добиться некоторой самостоятельности, прежде всего экономической, а в отдельные моменты и политической (выход южных штатов из состава федерации). Для нее характерно сочетание центральной власти и властей штатов со свободой при отсутствии сецессии. Стадии кооперативного федерализма (конец XIX — XX в.) свойственен поиск равновесия (гармоничного сочетания интеграции и автономии, единства в многообразии, независимости и взаимопомощи). Авторы американской модели федерализма исходили из представлений о вытекающей из теории естественного права нетождественности народа (как самоуправяемого политического сообщества) и правительства (государства), реально осуществляющего делегируемую или предоставленную ему народом власть, т.е. из противопоставления самоуправления и делегированного правления, непосредственного правления и представительного правления. Для разрешения этой коллизии был начат поиск системы государственного (представительного) правления, которая в максимальной возможной степени удерживает в себе черты самоуправления народа, а сам процесс развития концепции гражданского общества имел место фактически «параллельно» с его становлением как реального общественного феномена.

После провозглашения Декларации независимости (1776 г.) тринадцать колоний стали независимыми штатами и начали принимать писанные, формальные конституции. К концу Войны за независимость традиция писаных конституций твердо укоренилась в американской политической жизни, что представляло собой отказ как от английского наследия, так и от своего раннего колониального опыта.

Основой будущих конституций послужили хартии, которые рассматривали американские колонии не как «часть английского королевства», а как «отдельные обособленные доминионы». В соответствии с этой концепцией каждая колония являлась отдельным корпоративным образованием, чья

политика направлялась короной и чья юрисдикция распространялась на конкретную территорию с заранее определенным кругом лиц.

Английское правительство признало легитимность этих действий, ибо даровало королевские хартии, которые не только наделяли колонии полномочиями управлять определенной территорией, но и подтверждали все традиционные права, привилегии и свободы англичан. В тех немногих случаях, когда такие хартии отсутствовали (самый ранний пример — колония Плимут), они часто заключали письменные «договоры о поселении», в которых обязывались сотрудничать друг с другом в установлении той формы правления, которая копировала английскую модель.

Среди положений ранних хартий колоний особо выделяется «Хартия провинции залив Массачусетс в Новой Англии» (1691 г.) своим объемным характером и полнотой изложения рецепции европейского конституционализма, что в дальнейшем оказало решающее влияние на содержание конституции штата Массачусетс (1780 г.). Например, в хартии провинции говорилось об органах власти — исполнительной, законодательной и судебной, хотя и не в таком объеме, как в последующей конституции. Речь шла об определенной иерархичности структуры государственной власти в масштабе территории колонистов. Вместе с тем эта иерархичность не отрицала определенную «самостоятельную компетенцию всех видов ветвей власти»¹.

На анализируемом историческом этапе правовые и политические идеи и взгляды видных деятелей революции, таких как Т. Пейн, Б. Франклин, Дж. Адамс, Т. Джефферсон, послужили важной предпосылкой принятия конституций штатов и федерации. Юридические предпосылки принятия писаных конституций штатов создавались в сфере трансформации традиционных основ политико-правового строя североамериканских колоний, столкновения интересов метрополии и колоний, что предопределило базисные характеристики будущей писаной конституции США (она определяла суверенитет штата; регулировала отношения государственной власти и граждан; устанавливала форму и полномочия правительства; определяла и закрепляла естественные права и т.п.).

Первые писанные конституции штатов и федеральная конституция характеризовались рядом принципиально новых подходов к решению проблем государственного устройства США, многие из которых и на современном историческом этапе имеют существенное правовое и политическое значение.

Установлено, что писанные конституции в рассматриваемый период целесообразно исследовать в трехуровневом контексте: теоретическом, программно-политическом и практическом. Первый уровень характеризуется синтезом основных положений и взглядов сторонников независимости штатов, естественно-правовой концепции, народного суверенитета и формальных конституций. Второй уровень направлен на разработку конституционных проектов политико-правовых реформ, связанных с ограничением власти государства, с расширением прав и свобод подданных. Идеи свободы, равенства, естественных прав вышли за пределы интеллектуальных дискуссий и стали основой для нового типа общества, аксиомой которого является право на самоуправление (self-government) в принятых конституциях. Принципиально новой для писаной конституции стала концепция независимости отдельно взятого человека, а не коллективного образования. Именно наличие права на самоуправление у каждого из представителей американского народа породило это право для нации в целом. Третий уровень реализуется в практическом воплощении идей конституционализма в конституциях штатов, государственным санкционированием конституционных проектов, проведением соответствующих реформ.

Условием принятия конституции штатов (третьей уровень) стали: во-первых, обеспечение материальными благами конкретных индивидов, каждый из которых поглощен собственным благополучием и обогащением; во-вторых, достижение господства производства над природой или политического господства над другими людьми (в том числе индейскими племенами); в-третьих, улучшение условий самой человеческой жизни или обеспечение общего блага для большинства таким образом, чтобы каждый конкретный человек, не только из привилегированного класса, но и из широких народных масс, мог реально достичь той степени независимости, которая свойственна цивилизованной жизни и которая обеспечивается одновременно экономическими гарантиями занятости и собственности, политическими правами, «гражданскими добродетелями и развитием ума».

Указанные факторы обусловили процесс эволюции формы и содержания конституций

¹ The charter of the province of the Massachusetts Bay in New England. 1691 // Boston: printed and published by T.B. Wait and co., 1814. Mass. Stats. 1. 425. 201 (в авторском переводе).

штатов, смысл которых сводился не только к демократической форме правления и разделению властей, но и к формированию новой «аксиомы»: человек, его права и свободы признавались высшей ценностью государства.

Литература

1. Билль о поправках 1791 // World Almanac and Book of Facts, 2003. NY, 2003.
2. Декларация независимости 1776 г. // Heffner R.D. A Documentary History of the United States. NY, 1965.
3. Конституция Коннектикута 1639 // American Community Survey 3-Year Estimates. Factfinder. census.gov. Архивировано из первоисточника 31 мая 2012. Проверено 25 июля 2010.
4. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // World Almanac and Book of Facts, 2003. NY, 2003.
5. Конституция штата Массачусетс 1780 // [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=492&page=5>.
6. Мэйфлауэрское соглашение 1620 // An American Primer / Ed. by D.J. Boorstin. NY, 1968.
7. Поправки к конституции Соединенных Штатов Америки // World Almanac and Book of Facts, 2003. NY, 2003.
8. Adams John. Correspondence of the Late President Adams. Originally Published in the Boston Patriot in a Series of Letters. Boston: Everett & Munroe, 1809.
9. Andrews John to William Barrell, Boston, January 29, 1775. Proceedings of the Massachusetts Historical Society, 1st ser., 8 (1864–1865). P. 398–399.
10. Beard C.A. The office of justice of the Peace in England. NY, 1904.
11. Jon Butler. Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People. Harvard University Press, 1990. P. 157.
12. Richard D. Brown and Jack Tager. Massachusetts: A Concise History, University of Massachusetts Press, 2000.
13. Richard D. Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 88.
14. Ward Edward. A Trip to New England in H.W. Troyer, Five Travel Scripts. Columbia University Press, 1933. P. 5.
15. Ward Nathaniel. The Simple Cobbler of Agawam in America. Ed. by P.M. Zall. University of Nebraska Press, 1969. P. 6.
16. By Washburn Emory. Sketches of the judicial history of Massachusetts, Boston, Charles C. Little and James Brown, 1840.

Истоки зарождения гражданского общества на Западе и условия его формирования в России: историко-теоретический аспект

*Остапенко Андрей Сергеевич,
доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Политехнического института (филиала)
Донского государственного технического университета,
кандидат юридических наук
andrey-ostapenko1@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы зарождения гражданского общества на Западе и в России, исследуются трудности, с которыми сталкивается западная модель взаимоотношений личности, общества и государства в отечественном политико-правовом пространстве.

Ключевые слова: гражданское общество, буржуазное государство, городское право, самодержавная власть, частные инициативы.

Sources of Genesis of Civil Society in the West and Conditions of Its Formation in Russia: Historical Theoretical Aspect

*Ostapenko Andrey S.,
Assistant Professor of the Department of Humanities and Natural Science
Disciplines of the Polytechnic Institute (Branch)
of the Don State Technical University,
Candidate of Legal Sciences*

In the article considers questions of origin of civil society in the West and in Russia, examines the difficulties faced by the Western model of relations of personality, society and state in domestic political and legal space.

Key words: civil society, the bourgeois state, municipal law, autocratic government, private initiatives.

Проблема становления гражданского общества и его взаимодействия с публичной властью является одной из актуальных в правовой науке в течение длительного времени и рассматривается под разным углом как отечественными, так и зарубежными правоведом. Л.Ю. Грудцына пишет, что эта проблематика представляет собой «отраженный свет проблемы взаимосвязи воли властителя и воли подданных»¹, причем перспективу имеет только «положение, которое исключает и эгоистическое своевластие, и абсолютную волю авторитета власти, возведенной в закон для подданных (подвластных)»². Это стало возможным в процессе идеологического обеспечения буржуазных революций, провозгласивших рождение принципиально нового типа государства, основанного на свободе, равенстве, законности, избирательных и иных правах граждан, что нашло отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, а впоследствии стало разделом современных конституций.

В политико-правовом дискурсе появлялись философские, политические, юридические концепции, отражавшие необходимость становления буржуазного общества, основанного на принципах демократии, верховенства закона, равенства в рыночных отношениях. В процессе перехода от феодализма к капитализму на ранних его этапах идеалы буржуазного государства вступали в противоречие с религиозными догмами, что было естественно для политико-правовых учений зарождающейся буржуазии, которая не сразу порвала со средневековыми пережитками. Но уже в XVIII веке французским мыслителям — Вольтеру, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо³, развивавшим идеи Б. Спинозы, Дж. Локка, Дж. Мильтона, основывавшиеся на опыте государственного развития Нидерландов, Англии, США, где уже свершились буржуазные революции, удалось в наиболее лаконичной форме изложить главные выводы передовой политической мысли того времени.

Буржуазное право переосмысливалось и постепенно входило в повседневную жизнь населения, что было связано с формированием современного трудового и брачно-се-

мейного законодательства, развитием правового статуса физических и юридических лиц, права граждан участвовать в политической жизни с целью отстаивания своих прав и законных интересов. Началом, отправной исторической точкой становления буржуазного государства явилось появление гражданского общества, которое, осознав свое место и роль в динамике общественных отношений, явилось оформившимся результатом эволюции идей демократии и народо-властия.

В предшествующий исторический период становления гуманистической мысли ничего подобного не существовало. Ни в средневековом христианстве, ни в иных религиях не содержалось предтеч идей о правах и свободах, поскольку любой из религий в той или иной мере присущ принцип авторитарности, подчиненности человека высшему, божественному началу, некому абсолюту, определяющему границы и возможности его поведения как субъекта общности, класса, социальной группы.

Как указывает В.М. Розин, в Средние века «сохраняются даже в некоторых отношениях совершенствуются личность и мышление, с другой стороны, базисный культурный сценарий не является распределенным, христианское мировоззрение жестко подчиняет себе все остальные семиотические системы. С одной стороны, церковь и королевская власть — это единственная власть, причем и церковь, и король заявляют о своем приоритете на верховную власть, с другой — реально в средневековой культуре, помимо названных, действуют много других источников власти»⁴. Данные источники опосредуют появление сфер деятельности, не подчиненных непосредственно властному воздействию государства, но тем не менее существующих в его правовом поле. Из подобных сфер и возникает будущее гражданское общество. Его элементы начинают складываться в процессе развития цеховых и торговых (купеческих) гильдий, а также городского права, действовавшего в средневековых европейских городах, в основе которого лежала идея местного самоуправления и зарождения рыночных отношений, как, например, в Магдебургском праве, применявшемся в ряде стран Западной Европы и пограничных территориях русских земель.

Городское право появляется в процессе борьбы с феодалами за свободу и независимость. Первоначально оно создавалось для регуляции межличностных и рыночных от-

¹ Грудцына Л.Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 42.

² Там же.

³ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998; Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955; Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988.

⁴ Розин В.М. Становление права в культуре Средних веков // Право и политика. 2003. № 9. С. 128.

ношений, постепенно приобретая характер орудия местного самоуправления, поскольку в нем были закреплены права и свободы жителей городов. В основе городского права лежал принцип «воздух города делает человека свободным». Таким образом, приобретая личную свободу, жители городов должны были коллективно отстаивать свои права в борьбе с властью и произволом. «Именно в городах сформировались начала современного права, здесь — основы западных представлений о гражданском обществе, о свободе личности, о равноправии, о конституционном устройстве, разделении властей, об общественном самоуправлении, — пишет К.Е. Сигалов, — ...городской нобилитет в погоне за прибылями проявил не меньше отваги, чем рыцарство на войне; борьба западноевропейских горожан за свои права вылилась в различные формы и методы борьбы с феодалами, пытавшимися подчинить города своей власти»⁵. В этом процессе заключался начальный этап становления гражданского общества и городского самоуправления в Средние века. Его отличие заключалось в том, что внутренняя самоорганизация осуществлялась и институционализировалась на основе закрытых профессиональных корпораций, образованных по профессиям, роду занятий и деятельности.

В России условия зарождения гражданского общества были отличными от западноевропейских, что обуславливается как своеобразием национального менталитета и иных экономических, социальных и политико-правовых факторов, так и огромной территорией государства при значительной централизации власти. В процессе выстраивания централизованного монархического государства, отличного от аристократических монархий Западной Европы, на протяжении длительного времени для общественной самоорганизации не оставалось места, ввиду чего она носила эпизодический и сословный характер.

Политико-правовая среда была такова, что власть практически всецело опекала подданных, оставляя им минимальное пространство для самовыражения. Как следствие, создававшиеся общества, союзы и организации были сословными, малочисленными и преследовали в основном корпоративные интересы, что нашло отражение в манифестах о вольности дворянской. Упоминания среди них заслуживает, пожалуй, лишь Вольное экономическое общество, созданное в 1765

⁵ Сигалов К.Е. Полиция и механизм действия гражданского общества // История государства и права. 2013. № 4. С. 49, 50.

году под покровительством Екатерины II и являвшееся научной общественной организацией.

В современной юридической литературе не сложилось единой точки зрения по поводу исторической эпохи, в рамках которой можно говорить о наличии институтов гражданского общества в нашей стране. Так, часть ученых обнаруживают зачатки российского гражданского общества в «крестьянской общине, православной идеологии и, соответственно, требуют восстановления соборности, общинности и других, на их взгляд, позитивных и присущих только славянам черт дооктябрьского прошлого; другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно создавать. Однако и в этом вопросе нет единства: нужно опираться на опыт Запада, воспринимая готовые идеи и институты, или отказаться от этого, демонстрируя самобытность и учитывая российские традиции»⁶. Данное противоречие проистекает из сложности и многоаспектности изучаемого явления, множества конкретных интерпретаций гражданского общества, не сводимого к какому-то одному набору признаков.

Процесс модернизации пореформенной России в конце XIX — начале XX века не ставил своей целью формирование гражданского общества, поскольку до Октябрьской революции Россия оставалась сословным государством. В сентябре 1917 года Россия была объявлена республикой, однако только декретом ВЦИК и СНК (РСФСР) от 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁷ были ликвидированы все сословные привилегии и ограничения и провозглашено равенство всех граждан.

Другим препятствием, замедлявшим развитие общественной самоорганизации и сфер деятельности, где человек мог бы себя свободно проявить, являлся неограниченный характер самодержавной власти, удерживавшей подданных от «опасных» идей либеральных ценностей посредством идеологии, силы и запрета политической конкуренции. «В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное»⁸, — писал Н.М. Карамзин.

⁶ Чаленко Е.А. Гражданское общество в России: историко-правовой анализ // Философия права. 2010. № 2. С. 47.

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3942> (дата обращения: 29.05.2016).

⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 102.

Отсюда проистекало настороженное отношение к проявлениям общественной инициативы, к системе представительной власти и местного самоуправления, которые оценивались в контексте сохранения неограниченной власти самодержца. В результате частные инициативы могли иметь успех только в тех нишах, которые государство поддерживало недостаточно (сфера просвещения, благотворительность, меценатство, наука, литературно-художественная деятельность, здравоохранение и проч.).

В советский период новая власть в первых в истории России конституциях (1918, 1924 гг. и др.) закрепила ряд прав и свобод, установив при этом монополию Советского государства во всех сферах социальной жизни. Гражданское общество как совокупность разнообразных отношений и институтов межличностного, негосударственного характера фактически было сведено к участию граждан в общественных организациях, зачастую являвшихся партийными придатками.

В странах Запада мощное развитие неправительственного сектора ознаменовало собой утверждение «новых демократических принципов и преобразований в общественном укладе. В Советском Союзе также существовал общественный сектор, имелись определенный опыт и история развития общественных организаций. К ним относились профсоюз, комсомол, творческие союзы писателей, композиторов, дружины по охране природы и по охране правопорядка, общества трезвости»⁹, — пишет В.В. Лысенко. Однако иерархию всех названных организаций возглавляла большевистская партия. Ее деятельность опиралась на самые широкие слои населения, одобрявшие заявленные лозунги и призывы, однако в однопартийной системе оставались невыраженными иные взгляды, расходившиеся с официальной идеологией.

В условиях коллективного начала отечественной политико-правовой ментальности приоритет интересов общества над индивидом не согласуется с западными идеалами взаимоотношений между обществом и личностью, государством и гражданином, рожденными буржуазной философией права Нового времени. В.Н. Кручинин пишет, что «к сожалению, общество в нашей стране исторически отличается достаточной слабостью и аполитичностью. Сегодня вместо создания условий для формирования граж-

данского общества скорее имеет смысл говорить о попытках формирования некоего подобия гражданского общества. Вместо того чтобы учитывать интересы представителей общества, государство выполняет обратную задачу — создает механизмы влияния на общественное мнение»¹⁰. Вследствие этого происходит подмена осознанной общественной активности участием граждан в массовых или популистских мероприятиях, проводимых различными социальными и политическими силами. Правовой нигилизм, имеющий место в последние десятилетия и выросший из негативного отношения к государственным структурам, делает неизбежным застой центров коммуникации внутри как отдельных социальных групп, так и общества в целом.

Масштабная либерализация экономики и демократизация общественной и политической жизни в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века создали условия для проявления гражданской активности, что привело к подъему разнообразных общественных организаций, движений, массовых политических течений, включившихся в социальные процессы. Однако, будучи результатом кратковременных и «романтичных» социальных настроений, они не сформировали устойчивые общественные и политико-правовые связи граждан, которые могли бы лечь в основу развития институтов гражданского общества. Последние отошли на второй план в нестабильности политической системы и социально-экономической неустроенности значительных масс населения, шагнувших в постсоветскую эпоху.

Особую актуальность проблема формирования гражданского общества приобрела именно для России, где, как известно, революционные по своим масштабам социально-экономические и политические трансформации конца XX века вызвали новый интерес к ней как альтернативе и индивидуализму, и государственному патернализму. В.Г. Садков при разработке системной модели российского государства и общества интерпретирует правовое демократическое государство «как человеко-ориентированный социальный институт»¹¹. Сущность подобного пони-

⁹ Лысенко В.В. Гражданское общество и неправительственные организации: внутригосударственный и международно-правовой статус // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13. С. 18.

¹⁰ Кручинин В.Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. 2013. № 4. С. 3.

¹¹ См.: Садков В.Г. Теория общественного договора и ее реализация в системной модели основного закона России XXI века // Человек и государство в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. Орел, М.: ОРАГС, 2008. С. 102–130.

мания государства реализуется прежде всего через социальное регулирование, выраженное в нормотворчестве и обеспечении социальных гарантий, что следует из ст. 7 Конституции РФ.

Однако ни одно государство не может урегулировать все стороны общественных отношений и предусмотреть все возможные трудности экономического характера. Институты гражданского общества способны наладить диалог общества и власти в условиях спада экономики и сокращения социальных расходов, когда государство не способно в полной мере обеспечить всех нуждающихся в социальной помощи. Это возможно путем преодоления противоречий, возникающих между гражданским обществом и государством, посредством внедрения методов социального партнерства как в форме трипартизма, так и в иных формах взаимодействия общественности с властью.

Литература

1. Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука 1988.
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
3. Монтескьё Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат 1955.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
5. Грудцына Л.Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12.
6. Кручинин В.Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. 2013. № 4.
7. Лысенко В.В. Гражданское общество и неправительственные организации: внутригосударственный и международно-правовой статус // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13.
8. Розин В.М. Становление права в культуре Средних веков // Право и политика. 2003. № 9.
9. Садков В.Г. Теория общественного договора и ее реализация в системной модели основного закона России XXI века // Человек и государство в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. Орел, 2008.
10. Сигалов К.Е. Полиция и механизм действия гражданского общества // История государства и права. 2013. № 4.
11. Чаленко Е.А. Гражданское общество в России: историко-правовой анализ // Философия права. 2010. № 2.
12. Декрет ВЦИК и СНК (РСФСР) от 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3942>.

П.И. Новгородцев как идеолог возрождения естественного права в России: к 150-летию со дня рождения ученого*

*Туманова Анастасия Сергеевна,
профессор кафедры теории и истории права факультета права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, профессор
anastasiya13@mail.ru*

Статья приурочена к 150-летию со дня рождения известного российского ученого, философа права, профессора Московского университета, декана Московского коммерческого института, а затем Русского юридического факультета Пражского университета П.И. Новгородцева. Автор рассматривает правовые и государствоведческие воззрения Новгородцева, характеризует его вклад в создание школы «возрожденного естественного права», а также значение школы для обновления государственного строя предреволюционной России.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, история русской философии права, возрождение естественного права.

Novgorodtsev as an Ideologist of Natural Law Revival in Russia: for 150th Anniversary from the Date of Birth of the Scientist

*Tumanova Anastasiya S.,
Professor of the Department of Theory and History of Law of the Law Faculty
of the National Research University Higher School of Economics,
Doctor of Law, Professor*

The paper is dedicated to 150th anniversary of birthday of P.I. Novgorodtsev. He was the famous Russian scientist, philosopher of law, professor of the Moscow University, the Dean of the Moscow commercial Institute, and then the dean of the Russian law faculty in Prague University. The author examines the legal and political views of P. Novgorodtsev, describes his contribution to the establishment of the school of «revived natural law» and the importance of the school in the transformation of the state system of pre-revolutionary Russia.

Key words: P.I. Novgorodtsev, history of Russian philosophy of law, the revival of natural law.

В феврале 2016 года исполнилось 150 лет со дня рождения Павла Ивановича Новгородцева — известного юриста и философа, видного общественного деятеля. Он родился 28 февраля 1866 года в городе Бахмуте Екатеринославской губернии. Идеи Новгородцева вызывали заслуженное уважение современников¹ и порождают неослабевающий интерес потомков, историков философии и историков права и государства². В настоящей

статье рассматривается роль Новгородцева в создании российской школы «возрожденного естественного права» — авторитетного научного направления, имевшего существенное практическое значение в свете происшедшего тогда в России создания основ «обновленного строя».

Возрожденное естественное право как философско-правовое направление зародилось в России в 1890-е годы. О необходимости возрождения естественного права П.И. Новгородцев заявил в своей магистер-

* Статья подготовлена в рамках проекта Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2016 году.

¹ Ильин И.А. Памяти П.И. Новгородцева // Русская мысль. Прага — Париж. 1923–1924. № 9–12. С. 369–374; Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева // Россия и славянство. 1929. 27 апр.

² Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука 1991; Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. Павел Иванович Новго-

родцев (Из истории русского либерализма). СПб., 1997; [Журнал «Правоведение»/1998/№ 4]; Яхина А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007; Валицкий А. Павел Новгородцев: неолиберализм и возрождение естественного права // Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 355–414; Соловьев К. Павел Новгородцев в России и о России // Русское слово. Прага. 2016. № 4. С. 10–16.

ской диссертации «Историческая школа юристов: ее происхождение и судьба», защищенной в 1896 году. Спустя шесть лет, в 1902 году, он защитил докторскую диссертацию на тему «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», в которой он углубился в проблематику истории философии права. Спустя год после этого приват-доцент Новгородцев получил должность профессора на кафедре энциклопедии права в Московском университете.

В 1902 году Новгородцевым была опубликована программная статья «Нравственный идеализм в философии права». В ней была сформулирована идеология возрождения естественного права. Ученый признал кризисное состояние современной ему юридической науки, в которой был «заглушен критический дух и глубокие философские стремления... возобладали практические интересы, и работа ее сделалась мелкой, цеховой и замкнутой»³. Спасти положение могло, по его мнению, только «возрождение естественного права с его априорной методой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом»⁴.

Возрождение теоретической юриспруденции П.И. Новгородцев связывал с изменением методологии данной дисциплины, основанной на догматической трактовке права, с отходом от традиционных представлений о предметном поле данной науки как науки о норме права, закрепленной в законе. Разрабатывавшаяся Новгородцевым теория естественного права утверждала в качестве оснований правовой науки идею личности и свободы. Личность трактовалась Новгородцевым как безусловная норма и предельное основание правопорядка⁵, как нравственная основа человеческого общения, на которой зиждутся общественные отношения. Задачей и сущностью права мыслитель провозглашал охрану личной свободы⁶.

Методологическую основу доктрины «возрожденного естественного права» в России составляла философия неокантианства, ба-

зирующаяся на представлении о диалектике должного и сущего, на потребности изучать общественные явления в двух аспектах: как они есть и какими они должны быть. Опираясь на данную философию, представители нового философско-правового направления стремились провести грань между должным и сущим, оценить сущее (правовую систему и политический режим самодержавной России) с позиций должного (морально-идеала, воплощением которого являлись идеи и институты правового государства). Для основателей новой философско-юридической школы естественное право выступало одновременно и как право идеально сконструированное, критерий оценки и образец для позитивного права, и как своеобразные нормы, действующие в реальной жизни. Естественное право обуславливало позитивное право и существующий общественный строй, тогда как установленное внешним авторитетом позитивное право лишь санкционировало тот фактический порядок, который являлся результатом действия естественного права. Таким образом, в данной концепции не позитивное право гарантировало действие естественного, а, наоборот, последнее обуславливало силу первого, будучи его необходимой основой⁷.

Возрождение естественного права было вызвано как кризисом догматической юриспруденции, так и общественными запросами времени рубежа веков, состоянием общественного сознания предреволюционной эпохи, проникнутого стремлением к социальной справедливости и законодательным преобразованиям, призванным воплотить эту справедливость в жизнь. В новой теории, с ее поисками нравственного идеала, был заложен мощный реформаторский потенциал. Как указывал П.И. Новгородцев, идея естественного права нашла для себя место среди политических идей прогрессивных партий России прежде, чем о ней заговорили новейшие юристы⁸.

Объясняя причины возрождения естественного права, Павел Новгородцев отметил связь естественно-правовой доктрины с созиданием новых правовых форм и указал на насущную потребность, которая неизменно приводит к естественно-правовым построениям. Он назвал ее потребностью «идти навстречу будущему и осуществлять

³ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 598.

⁴ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 600–601.

⁵ Валицкий А. Указ. соч. С. 393–394.

⁶ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания // Новгородцев П.И. Избранные труды / сост. К.А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2010. С. 234–235, 303.

⁷ Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, типография и литография М.: Зильберберг и С-вья, 1908. С. 177.

⁸ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права... С. 595.

в нем... идеальные стремления и надежды». По словам мыслителя, данная потребность наиболее ярко сказывалась в эпохи кризисов и переломов, когда старые формы жизни обнаруживают свою ветхость, а обществом овладевает нетерпеливая жажда новых порядков. Эта жажда нового порождала «постоянное недовольство существующим, еще не успевшим измениться правом» и «требования лучшего, идеального, естественно-го права»⁹.

«В наши дни не надо быть социалистом, — вторил Новгородцеву историк-медиевист П.Г. Виноградов, профессор Оксфордского университета, — чтобы чувствовать, что существующие системы положительного права, возникнув под влиянием феодальных представлений... придется весьма значительно изменить ради приспособления их к потребностям растущей демократии. Всюду возникают планы реформ и попытки законодательных улучшений... их появление и развитие несомненно свидетельствует о происходящей перемене в основных правовых понятиях»¹⁰.

В основу своего учения о праве П.И. Новгородцев положил, как уже отмечалось, идею личности. За естественным правом он закрепил статус науки, являвшейся выражением «самостоятельного абсолютного значения личности, которое должно принадлежать ей при всяких формах политического устройства»¹¹. Это был революционный подход в философии права. Новгородцев считал, что все люди наделены неотчуждаемыми правами и предлагал положить эту идею в основание социального и правового порядка. Он ратовал за замену идеи государственного суверенитета идеей подчинения государства высшим законам нравственности и справедливости. С его точки зрения, нравственные идеалы должны направлять развитие права.

Вклад школы «возрожденного естественного права» России и Новгородцева, как одного из ее основателей, в теорию прав человека состоял в первую очередь в обосновании принципа свободы личности и ее автономии по отношению к государству. Именно в охране личной свободы состояла, по мнению ее представителей, задача и сущность права. Производной от свободы личности являлась идея неотъемлемых прав человека — прав, которые существуют вне связи их носителя с тем или иным государством. При этом право-

веды обосновывали приоритет прав человека (естественное право) над правом, установленным государством (позитивное право), считали реализацию прав и свобод личности конечной целью развития как естественного, так и позитивного права¹².

Павел Новгородцев высказал идею самоограничения государства правами человека, его отречения от посягательств на права лиц. Права человека существовали, по его словам, помимо государственного признания. Признание свободы человека со стороны государства имело по преимуществу отрицательный характер: оно означает не более чем официальное подтверждение факта, требующего своей санкции со всей силой безусловного жизненного явления. Самоограничение государства имело под собой не столько юридические, сколько нравственные основания, вызывалось требованиями естественного права¹³. Такой подход представлял собой переворот в общественном сознании.

Наряду с трактовкой свободы, сопряженной с ограничительной позицией государства и с отменой ограничительных законов, стеснявших личность, в рамках возрожденного естественного права было выработано также понимание свободы, связанное с активной позицией государственной власти. Формулируя данный принцип, Новгородцев ссылаясь на современный ему новый английский либерализм, ставивший перед собой задачу формулировать реформы, способные обеспечить народу «более широкое распространение физического комфорта и более высокий уровень нравственного развития». Существо этого взгляда было изложено Новгородцевым следующим образом: «Старые идеи Смита и Бентама о всеисцеляющем действии частного интереса, о невмешательстве государства... оставлены. От государства требуется не только устранение юридических препятствий к развитию свободы, но и доставление материальной возможности для наилучшего проявления свободы», «забота о материальных условиях ее осуществления. Попечительная функция государства касалась прежде всего осуществления права на достойное человеческое существование. Вот как характеризовал это право П.И. Новгородцев: «В настоящее вре-

⁹ Там же. С. 380.

¹⁰ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Пг., М.: Изд-во А.А. Левенсон, 1915. С. 152.

¹¹ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права... С. 636.

¹² Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 74–106.

¹³ Новгородцев П.И. Право и государство // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV (74). С. 527, 537–538.

мя английский либерализм видит путь к осуществлению свободы в том, чтобы оказывать содействие нуждающимся, чтобы улучшить условия социальной и промышленной жизни для тех, кто сам не сможет обеспечить для себя лучшие условия. Речь идет... о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно. И так как подобная забота относится прежде всего к тем, кто не может стать на твердую почву в жизненной борьбе, кто нуждается в помощи и поддержке, то обеспечение права на достойное человеческое существование ближайшим образом имеет в виду лиц, страдающих от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств»¹⁴.

Сформулированное В.С. Соловьевым и П.И. Новгородцевым право на достойное человеческое существование принадлежит, согласно современной классификации прав человека, к праву второго поколения, которое составляют социально-экономические права. Право на достойное человеческое существование Новгородцев предлагал включить в декларацию прав, трактуя его предельно широко. Юридическими следствиями признания этого права выступали, по мнению мыслителя, признание за каждым трудящимся права на обеспечение на случай болезни, неспособности к труду и старости, права на труд и на приложение труда, права на определенный уровень жизни, а также право на широкое допущение профессиональных союзов как объединений лиц, сближенных общим положением и при помощи взаимной поддержки укрепляющих друг в друге чувство солидарности и сознание свободы, право лиц беспомощных и неспособных к труду на обязательное государственное и общественное признание¹⁵.

Способом обеспечения права на достойное человеческое существование Новгородцев считал фабричное законодательство, перед которым ставилась задача не ограничиваться охраной свободы, а осуществлять «общее регулирование материальных условий ее осуществления». «Что такое фабричное законодательство, как не забота «об известной части общества, нуждающейся в помощи», забота, восполняющая «недоста-

ток средств» в неравном состязании труда с капиталом»? Не очевидно ли из одного этого примера, что право не ограничивается лишь охраной свободы, а берет на себя также и регулирование материальных условий ее осуществления¹⁶, задавался вопросами ученый. Миссию фабричного законодательства ученый видел в том, чтобы защищать интересы трудящихся посредством объективного права (путем законодательного регулирования санитарных условий труда и др.), а также обеспечивать каждому трудящемуся его субъективные права (право на обеспечение на случай болезни, неспособности к труду и старости и др.)¹⁷.

Не менее значимым условием для развития права и государственности Новгородцев считал состояние правосознания общества. Он понимал правосознание как источник развития права и корень государственной жизни¹⁸. Юрист констатировал кризисное состояние общественного сознания революционного периода, выразившееся в резком диссонансе позитивного права и общественного идеала. В растущем разрыве позитивного права и нравственных оснований общественной жизни виделась мыслителю причина кризиса правосознания.

Понимая правосознание как представление общественных элит о государстве и государственном правопорядке, своеобразный синоним общественного мнения, П. Новгородцев указывал на увлеченность общества идеями германского реформистского социализма. Между тем подлинный общественный идеал виделся ему в правовом государстве. Теория правового государства, по его словам, принципиально исключала «утопию безгосударственного состояния: она учит, что правильно организованное государство может стать воплощением начал справедливости, что в идеальном государственном порядке справедливость находит для себя твердую основу». «Теория правового государства не отвергает идеи перерыва в легальном преемстве различных форм власти и права, но она несовместима с представлением о катастрофе, которая погребает под собою самые основы государственного правопорядка для того, чтобы на место этого создать совершенно новый и неведомый доселе порядок, устраняющий и государство, и право. Существующие учреждения и органы власти должны быть не упразднены, а преобразова-

¹⁴ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания... С. 301, 303.

¹⁵ Новгородцев П. Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 129–131.

¹⁶ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. С. 303.

¹⁷ Новгородцев П. Право на достойное человеческое существование... С. 129.

¹⁸ Новгородцев П.И. Право и государство... С. 535.

ны». «Правовое государство, — констатировал Новгородцев, — есть также и свободное государство. Воздвигаемая над личными правами и интересами начало общей связи и общего единого для всех закона, оно в то же время признает, как основу своего бытия, естественные права лиц, права свободы». Преимущество правового государства виделось Новгородцеву в том, что то была организация, «возвышающаяся над обществом и его членами, но не поглощающая их в себе», т.е. то была «система свободы»¹⁹.

Между тем в работе «Кризис современного правосознания» (опубликована в 1909 г.) Новгородцев констатировал кризис идеологии правового государства, базировавшейся на классическом либерализме. Работа была написана в парадигме европейского неолитерализма. Острый кризис, по словам Новгородцева, испытывали основания теории правового государства: теория народного суверенитета и теория индивидуализма. Кризис идеи народного суверенитета виделся мыслителю во всеобщем разочаровании в политической демократии и представительном правлении. Кризис индивидуализма выражался в охватившем общественность движении за позитивную свободу и в тенденции к расширению контроля правительства за социальной жизнью²⁰.

Разрабатывая содержание правовых реформ, теоретики школы «возрожденно-естественного права» провозгласили новый взгляд на право. Они трактовали его не как веление государственной власти, а как проявление правосознания общества, «самостоятельную силу, направляющую и создающую различные формы личной и общественной жизни»²¹ (Б.А. Кистяковский), определяющую функционирование государства.

Юристы констатировали кризисное состояние общественного сознания революционного периода, выражавшееся в резком диссонансе позитивного права и общественного идеала. В растущем разрыве позитивного права и нравственных оснований общественной жизни причину кризиса правосознания видел Новгородцев. Историю права он понимал как историю постоянных изменений в праве. По словам Новгородцева, право могло обновляться, только отказываясь от своего прошлого; ученый использо-

вал метафору «Сатурн, пожирающий своих собственных детей». В ходе возникавшего конфликта рождалось естественное право как требование изменений в существующем строе и идеальный план общественного переустройства.

Анализируя законодательную деятельность Государственной думы первого созыва, депутатом которой он являлся, Новгородцев видел подтверждение своих предположений о необходимости коренных правовых реформ. Представители конституционно-демократической партии, членом которой являлся Новгородцев, ставили перед собой масштабную задачу — реформу правовой системы Российской империи. «Трудность заключалась не столько в установлении новых положений, сколько в необходимости вводить их в состав старого свода законов, в котором многие части представлялись несовершенными и, однако, не могли быть изменены все сразу. Когда мы устанавливали новые начала, вытекавшие из общих требований правового государства, — писал он, — мы тотчас же обнаруживали, что эти начала клином врезаются в наши старые законы, построенные на совершенно иных началах. Нам приходилось строить на почве, которая сплошь загромождена старыми и широко раскинувшими свои ростки корнями. Предназначая к отмене один ряд законов, мы тотчас же находили, что должны подумать об отмене или изменении и многих других законов, с ним связанных. И в непреодолимом порыве мысли, увлекавшем нас вперед, мы вступали на этот путь многотрудной и огромной работы, завершить которую значило преобразовать весь русский правовой строй»²².

Теоретики «возрожденно-естественного права» видели задачу современного им государства в создании условий для реализации прав и свобод личности, оценивали позитивное право и государственную политику с позиций того, в какой мере они создавали возможности для реализации прав и свобод личности, для обеспечения принципов справедливости и человеческого достоинства. Данная теория задавала вектор развитию российской государственности в начале XX века, способствовала его преобразованию из полицейского государства, характеризовавшегося патерналистским типом отношений личности и публичной власти, в государство правовое, базирующееся на примате права и закона, ценности отдельной человеческой личности, ее свободы и достоинства. Пра-

¹⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Новгородцев П.И. Избранные труды / сост. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 718–719.

²⁰ Валицкий А. Указ. соч. С. 398.

²¹ Кистяковский Б.А. Наши задачи // Юридический вестник. 1913. № 1. С. 9, 15.

²² Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 2. С. 11.

вовая теория сторонников «возрожденного естественного права» стимулировала изменения в общественном строе императорской России, стала идейной основой для поступательного преобразования сословного общества в гражданское.

Помимо глубокого научного значения эта теория оказала существенное влияние на политическую жизнь страны. Она внесла заметный вклад в формирование представленный российского образованного общества о правовом государстве, объединила лидеров «освободительного движения» России начала XX века. Теоретики «возрожденного естественного права» работали в составе законодательной комиссии кадетской партии, разделившейся после Первой думы на Московский и Петербургский отделы. Вошедший в Московский отдел П.И. Новгородцев сосредоточил свои усилия на проектах о всеобщем избирательном праве и равноправии граждан, обогатив их положениями об уничтожении сословных, вероисповедных и национальных различий. Новгородцев участвовал в разработке думских законопроектов о свободе союзов и собраний.

Литература

1. Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. Павел Иванович Новгородцев: из истории русского либерализма / Ю.А. Баскин, Д.А. Баскин. СПб., 1997.
2. Валицкий А. Павел Новгородцев: неолиберализм и возрождение естественного права / А. Валицкий // *Философия права русского либерализма*. М.: Мысль, 2012. С. 355–414.
3. Виноградов П.Г. Очерки по теории права / П.Г. Виноградов. Пг.: Скл. изд.-во А.А. Левенсон, 1915. С. 152.
4. Ильин И.А. Памяти П.И. Новгородцева / И.А. Ильин // *Русская мысль*. Прага — Париж, 1923–1924. № 9–12. С. 369–374.
5. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX — начало XX в. / И.А. Исаев. М.: Наука, 1991.
6. Кистяковский Б.А. Наши задачи / Б.А. Кистяковский // *Юридический вестник*. 1913. № 1. С. 9, 15.
7. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания: избранные труды / П.И. Новгородцев; сост. К.А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2010. С. 234–235, 301, 303.
8. Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы / П.И. Новгородцев // *Первая Государственная дума*. СПб., 1907. Вып. 2. С. 11.
9. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) / П.И. Новгородцев // *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века)*. М., 2000. С. 595, 598, 636.
10. Новгородцев П.И. Об общественном идеале: избранные труды / П.И. Новгородцев; сост. К.А. Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 718–719.
11. Новгородцев П.И. Право и государство / П.И. Новгородцев // *Вопросы философии и психологии*. 1904. Кн. IV (74). С. 527, 535, 537–538.
12. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование / П.И. Новгородцев // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 129–131.
13. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства / Н.И. Палиенко. Харьков, Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. С. 177.
14. Соловьев К. Павел Новгородцев в России и о России / К. Соловьев // *Русское слово*. Прага, издание русского национального меньшинства в Чешской Республике, 2016. № 4. С. 10–16.
15. Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX в. / А.С. Туманова, Р.В. Киселев. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. С. 74–106.
16. Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева / Г.В. Флоровский // *Россия и славянство. Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности: Еженедельная газета при ближайшем участии Петра Струве*. Париж, 1929.
17. Яхина А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Яхина. Волгоград: Волгоградского государственного университета, 2007.

Продовольственный устав 1834 года как правовая основа государственной политики продовольственного обеспечения российской деревни в 1830–1890-е годы XIX века*

*Рогожина Ангелина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры истории России
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
кандидат исторических наук
rogzhinaas@yandex.ru*

В статье проанализирован Продовольственный устав 1834 года, ставший нормативно-правовой основой государственной продовольственной политики в 30–90-х годах XIX века. Исследованы особенности Продовольственного устава 1834 года, отличающие его от прежних нормативно-правовых актов, сопровождавших политику обеспечения народного продовольствия. Показана роль Продовольственного устава 1834 года как первого в истории государства специального правового акта, регламентировавшего государственную продовольственную политику вплоть до конца XIX века.

Ключевые слова: Продовольственный устав, хлебные запасные магазины, денежные продовольственные капиталы.

1834 Commodity Charter as a Legal Basis of the Russian Village Food Provision State Policy in 30–90s of XIX Century

*Rogozhina Angelina S.,
Senior Lecturer of the Department of History of Russia
of the Orel State University named after I.S. Turgenyev,
Candidate of Historical Sciences*

The Food Charter of the 1834, which became the foundation of the legal state food policy in 30–90 years of the XIX century is analyzed in the article. The features of the food of the Charter of 1834, distinguishing it from the previous legal acts accompanying policies to ensure national food are investigated. The role of the Food of the Charter of 1834 as the state's first-ever special legal act to regulate the state food policy until the end of the XIX century is shown.

Key words: Food Charter, bread replacement shops, food monetary capital.

Обширная территория Российской империи, большую часть которой занимала зона рискованного земледелия, уже с начала XI века знала такие явления, как неурожай и голод. Разнообразная хозяйственная специализация регионов нашей страны обуславливала возникновение практически ежегодных неурожаяев и голода в тех или иных местностях, а повсеместный голод происходил в России примерно раз в семь лет. Часто повторяющиеся неурожайи приводили к разработке целого ряда государственных мероприятий, направленных на обеспечение продовольственных потребностей населения. Однако кардинальным решением

проблемы обеспечения народного продовольствия правительство всерьез озаботилось лишь к началу XIX века.

Начавшийся новый период знаменовал собой качественные изменения в продовольственной политике России, основанной на новых, ранее не имевших широкого практического применения формах продовольствования населения в условиях неурожайного времени. Такими формами являлись создание и содержание хлебных запасных магазинов и составление продовольственных денежных капиталов. Безусловно, идея создания запасных магазинов имела место и ранее. Впервые с законодательной инициативой по этому вопросу выступил еще Петр I. Эта же идея получила развитие и в политике его преемников. Однако организация хлебозапасной системы не имела четко регламентированных основ. Такая регламентация была

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ. «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891–1892 годов в Центрально-Черноземном регионе», проект № 15-01-00026.

осуществлена только во второй половине XVIII — первой половине XIX века и имела очень важное значение для последующего развития продовольственной системы в целом. Законодательным проявлением этого развития явилось «Положение о запасах для пособия в продовольствии», утвержденное 5 июля 1834 года, фактически выполнявшее роль продовольственного устава вплоть до конца XIX века¹.

Отличие нового продовольственного устава от прежнего заключалось в том, что повсеместно вводились и хлебные (по 1½ четверти: 1 четверть озимого и ½ четверти ярового), и денежные запасы (по 1 руб. 60 копеек) ассигнования на ревизскую душу². Первые служили для наполнения сельских хлебных запасных магазинов, а из вторых составлялся капитал для помощи деньгами на покупку нужного хлеба.

Для составления положенного количества хлеба ежегодно собиралось по полчетвертику ржи или пшеницы и по два гарнца овса или ячменя (причем подобные правила не действовали в отношении удельных и дворцовых крестьян, для которых оставались в силе ранее существовавшие постановления) до того времени, «доколе полное количество хлеба поступит в магазины»³.

Уже существовавшие согласно ранее установленным правилам сельские хлебные запасные магазины оставались и поддерживались на прежних основаниях, а новые магазины учреждались, «смотря по пространству волости», или при волостном правлении, или же по одному для нескольких мирских обществ. В помещичьих имениях устройство одного хлебного магазина для нескольких близлежащих деревень предоставлялось усмотрению самого владельца. В селениях разнопоместных учреждений устройство магазинов ложилось на плечи всех владельцев «по уравнительной раскладке»; однако те владельцы, которые имели в своем селении не менее пятидесяти душ, могли, с ведома и разрешения уездного предводителя, учредить свой собственный хлебный запасной магазин. Устройство сельских хлебных запасных магазинов осуществлялось с учетом определенных правил. Во-первых, магазины должны были находиться в безопасном (по возможности) от огня месте, а во-вторых, иметь отдель-

ные закрома как для ржи или пшеницы, так и для овса или ячменя. Кроме того, закрома должны были быть мерными, чтобы можно было судить о количестве хлеба по занимаемому им пространству. Для одного запасного магазина могло быть определено несколько помещений. Магазины строились каменные, деревянные, плетневые или из битой глины, но с плотной крышей из железа, черепицы, теса, соломы или камыша. Приготовление строительных материалов и другие издержки при сооружении магазинов возлагались на приписанные к этим магазинам общества поселян. В безлесных же местах запасной хлеб предполагалось сохранять в ямах или же, немолотым, в скирдах, но только по особому представлению губернской комиссии продовольствия и с разрешения Министерства внутренних дел⁴.

Для надзора за состоянием сельских хлебных запасных магазинов к каждому магазину прикреплялся смотритель из поселян. Смотритель выбирался крестьянами, «из благонадежных домохозяев селений», на три года. В обязанности смотрителя входил прием вносимого поселянами хлеба «на меру», наблюдение за целостью запасов и выдача хлеба, «когда на сие последует надлежащее разрешение». В случае необходимости смотритель исполнял и полицейские функции, побуждая поселян к исправному взносу хлеба⁵.

Для учета поступивших хлебных запасов, а также выданных ссуд и недоимок смотритель должен был вести так называемую шнутовую книгу. Шнутовые книги и таблицы заготавливались в необходимом количестве за счет общих земских повинностей, с печатными заголовками и графами, согласно специальным формулярам⁶.

Ключ от магазина всегда хранился у смотрителя. Смотритель получал жалованье от двадцати до тридцати рублей в год, в казенных селениях — по назначению волостного правления из сумм на мирские расходы, а в помещичьих — по распоряжению владельца. Более того, в казенных селениях смотритель лично освобождался от отправления натуральных земских повинностей. В казенных селениях смотрители находились под наблюдением сельских начальств волостных правлений, в помещичьих же за ними наблюдали сами помещики или их управляющие.

¹ Высочайше утвержденное «Положение о запасах для пособия в продовольствии» от 5 июля 1834 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. IX. СПб., 1835.

² Там же. С. 692.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 693–694.

⁵ Там же. С. 692.

⁶ Там же. С. 703.

Хлебные запасные магазины казенных селений находились в ведомстве казенных палат, которые надзирали за исправным их содержанием. А в помещичьих селениях за содержанием магазинов следили уездные предводители дворянства; в местах же, где не было уездных предводителей дворянства, за состоянием магазинов наблюдала земская полиция⁷.

Что касается денежных капиталов, то для их составления ежегодно собиралось по 10 копеек с каждой ревизской души поселян всех наименований, «кроме состоящих в удельном ведомстве»⁸. Одной из отличительных черт новых продовольственных правил явился принцип, согласно которому денежные капиталы составляли собственность не отдельных селений, как это было прежде, а всей губернии. Таким образом, помощь правительства на продовольствие устранялась, но взамен того устанавливалась взаимопомощь уездов и губерний.

Составленные сборы поступали вместе с подушной податью в уездные казначейства, «которые вели сим деньгам особый счет»⁹.

Затем казенная палата представляла губернатору ведомости о количестве сумм, поступивших в уездные казначейства, после чего губернатор вносил их на рассмотрение в комиссию продовольствия.

Собранная в течение года сумма высылалась уездными казначействами в Петербургскую сохранную казну Императорского воспитательного дома по предписанию казенной палаты «для приращения процентами». Однако каждая комиссия продовольствия всегда имела в своем распоряжении часть денежного капитала, а именно 10 тысяч рублей «на случай непредвиденной нужды в скором пособии». Эта сумма хранилась в уездном казначействе губернского города и выдавалась по предписанию казенной палаты. Кроме того, в чрезвычайной ситуации комиссия продовольствия имела право использовать до 25 тысяч рублей ассигнациями заимообразно из сумм казенной палаты, уведомив об этом Министерство внутренних дел¹⁰.

О количестве поступившего в запасной денежный капитал сбора, а также о его распределении и отсылке ежегодно составлялся специальный отчет. После рассмотрения в комиссии продовольствия отчет за подписью членов комиссии и губернатора от-

правлялся в Министерство внутренних дел к 15 февраля. Затем отчет вносился в комитет министров для представления императору. О состоянии городских денежных запасных капиталов комиссия продовольствия сообщала думах и ратушам тех городов. Ведение же сумм, находившихся в распоряжении комиссии продовольствия, происходило посредством бухгалтерских книг, состоявших при казенной палате¹¹.

Таким образом, общий надзор за состоянием хлебных запасных магазинов и денежных капиталов, а также сбор и рассмотрение сведений об урожаях было оставлено за комиссией продовольствия в прежнем составе, с тем лишь различием, что вместо двух уездных предводителей в ней участвовал лишь один (того уезда, где находился губернский город). Губернская комиссия продовольствия состояла в непосредственном ведении Министерства внутренних дел. Каждая комиссия продовольствия по «Положению...» должна была иметь правителя дел, который состоял в полном распоряжении губернатора и выполнял поручения по хозяйственной части, получая жалованье по 1200 руб. в год. Для счетоводства по предметам комиссии в казенной палате при хозяйственном отделении «учреждался особый Стол», состоявший из бухгалтера, его помощника и писца. Их жалованье производилось из сумм земских повинностей¹².

Основные обязанности комиссии продовольствия сводились к общему наблюдению за исправным содержанием хлебных запасных магазинов и целостью продовольственных капиталов, к назначению зависевших от нее частных пособий и к выработке общих чрезвычайных мер в случаях полного неурожая в губернии.

Ссуды, отпускавшиеся комиссией продовольствия, были двух видов: частные, выдававшиеся по распоряжению местных начальств, когда лишь некоторые семейства или какие-либо селения были постигнуты неурожаем, и общие, чрезвычайные — в случае неурожая во всей губернии или в большей ее части и непомерного возвышения вследствие того цен на хлеб¹³.

Частные ссуды выдавались только хлебом из запасных магазинов. Разрешение ссуд из хлебных магазинов зависело от сельских сходов государственных крестьян и от помещиков в размере не свыше $\frac{1}{4}$ наличных запасов, от комиссии продовольствия — до половины запасов и от мини-

⁷ Там же. С. 695.

⁸ Там же. С. 692.

⁹ Там же. С. 693.

¹⁰ Там же. С. 695–696.

¹¹ Там же. С. 696.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 698.

стра внутренних дел — свыше половины всего заготовленного хлеба. Ссуда выдавалась на трехлетний срок, на дополнительную отсрочку испрашивалось разрешение Министерства внутренних дел¹⁴.

Денежными капиталами в пределах 35 тыс. рублей распоряжалась комиссия, до 50 тыс. рублей сверх того могло быть употреблено с разрешения министра внутренних дел, разрешение же расходов на большую сумму рассматривалось комитетом министров¹⁵. Ссуда выдавалась на три года, причем проценты с ссуды за первый и второй год не взывались, а за третий год «полагалось с неуплаченной суммы по шести процентов». Возврат ссуды обеспечивался: в селениях вольных хлебопашцев — круговой порукой, а у помещичьих крестьян — имением, для которого выдавалось пособие, или другим имением того же владельца. В том случае, если помещики, получившие ссуды, оказывались несостоятельными, а их имения — недостаточным залогом кредита, ответственность за возврат долга ложилась на плечи тех, кто определял ссуду к выдаче. Кроме того, в Продовольственном уставе 1834 года оговаривался порядок действий в случаях, когда было «необходимо сделать пособие крестьянам помещичьего имения, которое не могло служить обеспечением возврата сего пособия»: имение помещика, как и все его прочее имущество, «по соразмерности с выдаваемою на продовольствие суммою», бралось в опеку до полной выплаты ссуды крестьянами¹⁶.

Пособия из запасных денежных капиталов губерний выдавались посредством замимобразной выдачи денег нуждающимся или же покупкой для них хлеба «смотря по удобности».

Для того чтобы выявить действительно нуждавшиеся в продовольствии и «не имеющих средств пропитать себя до новой жатвы» семейства, в казенных селениях и селениях свободных хлебопашцев селянам было приказано избирать из своей среды трех или более старожилков — «достаточных и благонадежных людей», которые должны были дать присягу, «что они по своей справедливости и без всякого пристрастия будут исполнять сию присягу». В их обязанности входило собирать сведения о положении каждого семейства в отношении продовольствия, а именно о количестве запасов прежних лет и огородных

овощей; о количестве скота, который не используется при обработке полей и может быть обращен в продажу; о дополнительных средствах заработка «к доставлению себе пропитания»¹⁷.

Согласно полученным сведениям волостной глава или сельский начальник делили всех крестьян на три разряда:

крестьяне, «коим предстоит совершенный недостаток в хлебе на прокормление и кои не имеют никаких верных средств к своему продовольствию»;

крестьяне, «коим также предстоит недостаток в хлебе», но которые имеют возможность частично предотвратить голод путем продажи лишнего домашнего скота или же посредством дополнительных заработков и промыслов»;

крестьяне, «не имеющие нужды в пособия».

Для поселян двух первых разрядов составлялись специальные списки, в которых обозначались все члены нуждающихся семейств обою пола старше 5 лет. При этом волостной глава или сельский начальник строго следили за собираемыми сведениями, чтобы число нуждающихся душ не было преувеличено. Данные списки передавались через волостное правление в казенную палату. Далее казенная палата составляла из этих списков перечневые ведомости, представляемые губернатору, которые затем вносились на рассмотрение Министерства внутренних дел¹⁸.

В помещичьих же селениях составление списков нуждающихся крестьян и разделение их на разряды осуществлялось самими помещиками, владельцами или управляющими¹⁹.

В городах списки нуждающихся составлялись думами и ратушами и представлялись губернатору для внесения в комиссию продовольствия²⁰.

На основании этих списков комиссия продовольствия давала заключение о степени и мерах нужного пособия и через губернатора представляла его министру внутренних дел. При составлении данного заключения комиссия продовольствия учитывала такие критерии, как число и возраст нуждающихся; количество наличного хлеба, хранящегося в магазинах; количество хлеба, хранящегося в магазинах соседних, менее нуждающихся или полностью обеспеченных продовольствием районов; со-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 700.

¹⁶ Там же. С. 701–702.

¹⁷ Там же. С. 699.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

стояние цен на хлеб в целом по губернии и в местах, нуждающихся в продовольствии в особенности; количества денежных капиталов, собранных в губернии для обеспечения продовольствием; наличие казенных, общественных и других работ, которые могли бы обеспечить дополнительный заработок для крестьян²¹.

На основании подобных соображений комиссия продовольствия отвечала на следующие вопросы: до какой степени продовольствие нуждающихся могло быть обеспечено ссудой из наличных хлебных запасов, хранящихся в магазинах; в случае недостатка первых — из каких магазинов соседних волостей и сколько хлеба можно было уделить в ссуду нуждающимся волостям; какие виды дополнительного заработка имелись в волости и, наконец, в какой форме и каком количестве выдавать ссуды из денежных капиталов²².

Министерство внутренних дел, рассмотрев донесение комиссии и признав ее предположения основательными, разрешило ссуды хлеба не только из магазинов нуждавшегося населения, но также из магазинов других волостей и даже уездов; ссуды из денежных капиталов сверх 35 тыс. рублей еще 50 тыс. рублей. В случае же, когда на продовольствие нуждающегося населения испрашивалась большая сумма или же хлеб из магазинов соседних губерний, Министерство внутренних дел представляло запрос императору через комитет министров²³.

Суммы, ассигнуемые в пособие для продовольствия, высылались опекунским советом прямо в уездные казначейства.

Комиссия продовольствия строго следила за тем, чтобы покупаемый хлеб доходил до нуждающихся в свое время, в полном количестве и в надлежащем качестве.

Выдача бесплатного хлеба нуждающимся, при всей тщательности собираемых сведений, порой все же порождала такое явление, как спекулянтство. Поэтому передача или продажа получаемого хлеба от одной семьи к другой или лицам другого сословия строго запрещалась. А если волостные или сельские начальники отпускали хлеб лицу, не имевшему на него законного права, то «подвергались за сие строжайшему наказанию по законам; с получивших же ненадлежащее пособие оное взыскивалось вдвое»²⁴.

Таким образом, «Положение...» 1834 года, рассмотрев практически все проблемные стороны обеспечения народного продовольствия, установило фактически идеальные правила, официально отменив постановления предыдущих времен. Однако если проанализировать «Положение...» 1834 года и результаты, которые оно принесло, то становится ясно, что целью установления продовольственных запасов было оказание лишь первоначальной помощи пострадавшим от неурожая. Установленные меры пособий при недородах хлеба правительством, по свидетельству Государственного Совета²⁵, никогда не собиралось обеспечивать, кроме посевов и до новой благополучной жатвы. Прямая цель учреждаемых правительством хлебных и денежных запасов состояла преимущественно во временном пособии. Эти запасы и при ограниченности своей признавались полезными в том отношении, что представляли некоторую преграду непомерному возвышению цен на хлеб, средство для посевов и возможность в самом начале бедствия устранить внезапность народного страха и помочь нуждающимся в прокормлении, пока не будут приняты правительством чрезвычайные меры. В таких чрезвычайных мерах представлялась надобность в 1844–1847, 1852 и 1853 и последующих годах. Делались займы не только из капиталов других губерний, но и из сумм государственного казначейства, сохранной казны и приказов общественного призрения, вследствие чего некоторые западные губернии задолжали несколько миллионов рублей другим губерниям²⁶. В дополнение и изменение «Положения...» 1834 года было издано много законов²⁷. Однако заботы о приведении в порядок хлебных магазинов в селениях и на этот раз не увенчались успехом.

В 1840-х годах неоднократно обнаруживалось, что по некоторым именам магазинов вовсе не устроены, а там, где они есть, не имеется узаконенной порции хлеба или они совсем пусты. Правительство настаивало на упорядочении дела, но безуспешно. По сведениям, собранным в 1861 году, оказалось, что правительственные распоряжения ис-

²¹ Там же. С. 700.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Скалон В.Ю. Продовольствие народное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. в 41 т. Т. 25. СПб., М.: АО «Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон», 1898. С. 357.

²⁶ Там же.

²⁷ Высочайше утвержденное Положение об обеспечении продовольствия государственных крестьян от 16 марта 1842 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. XVII. СПб., 1843. С. 176.

полнялись не всегда и не везде с надлежащей точностью. В некоторых имениях магазинов вообще никогда не строили и хлеба с крестьян никогда не собирали. В других помещики собирали с крестьян деньги на устройство магазинов, но по назначению их не употребляли. Иногда общественный хлеб засыпался в господские амбары и обращался в собственность помещика. Так что Продовольственный устав 1834 года, принятый для упорядочения продовольственной системы, несмотря на то что просуществовал вплоть до конца XIX века, так и не достиг предполагаемой цели. Все обстоятельства указывали на то, что вопрос совершенствования продовольственного законодатель-

ства продолжал оставаться открытым и требовал скорейшего разрешения.

Литература

1. Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствие от 5 июля 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 2. Т. IX. № 7253. СПб., 1835.
2. Высочайше утвержденное Положение об обеспечении продовольствия государственных крестьян от 16 марта 1842 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. XVII. № 15386. СПб., 1843.
3. Скалон В.Ю. Продовольствие народное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. в 41 т. Т. 25. СПб., М., АО «Ф.А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1898.

Социальные функции античного государства

*Утяшев Марат Мухарович,
заведующий кафедрой теории
государства и права Института права
Башкирского государственного университета (БашГУ),
доктор политических наук, профессор
marat_ut@rambler.ru*

*Гарипов Алмаз Айдарович,
аспирант Института права
Башкирского государственного университета (БашГУ)
institutprav@yandex.ru*

Статья посвящена актуальной проблеме современной юриспруденции — социальной функции государства. В дискуссии о наличии или отсутствии такой функции автор стоит на позиции признания обязанности государства. В поддержку этой идеи приводятся факты из истории античного государства.

Ключевые слова: античное государство, функции, социальные функции, Антонины, Нерва, Адриан, Антоний Пий, Марк Аврелий, стоицизм, гуманизм.

Ancient State Social Functions

*Utyashev Marat M.,
Head of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute
of the Bashkir State University (BashSU),
Doctor of Politics, Professor*

*Garipov Almaz A.,
Postgraduate Student of the Law Institute
of the Bashkir State University (BashSU)*

The article concerns the urgent problem of the modern jurisprudence — the social function of the State. In the discussion about the availability or lack of this function the author of the article insists on the necessity of its recognition by the State. To support this idea, the facts from the history of antique state are given.

Key words: antique state, functions, social functions, Nerva, Adrian, Anthony Pius, Aurelius Marc, stoicism, humanism.

В современном научном дискурсе о наличии или об отсутствии у государства социальных обязательств и социальной функции автор статьи занимает ригористическую позицию о существовании такой функции. В обоснование такой точки зрения¹ и родилась идея данной статьи.

В незапамятные времена бывали в мире такие жестокие и бесчеловечные обычаи и традиции, которые невозможно помыслить в наши дни. Экономические и этические соображения позволяли лишать жизни немощных стариков и старух, а также обрекать на смерть новорожденных детей, имевших врожденные дефекты.

Этот варварский обычай в отношении детей получил название инфантицида, который являлся частью запрещенного ныне геноцида — тяжчайшего преступления против человечества.

Но в те времена это было столь обыденным делом, что один далекий от сострадания властитель, удивленный большим количеством суицидов, воскликнул: неужели им не хватает веревок или скал? Его прозрачный намек относился к печальной памяти Тарпейской скалы, с которой сбрасывали «беспольных» стариков, нежелательных детей и преступников, приговоренных к смерти. Такая же участь ожидала лжесвидетелей и рабов, совершивших кражу.

Ни кормить, ни лечить, ни спасать от голода, нищеты и преждевременной смерти граждан государственная власть не считала нужным. У нее не было такой функции. Вернее, она не хотела признавать, что у нее есть такая функция.

Потом пришли другие времена. Существование социальных обязательств и функций государственной власти перед своими гражданами прививалось и прививается до сих пор с трудом и нежеланием государственной власти обременять себя дополнительными заботами.

Гуманистическая мысль пробивалась и жила в отдельных умах, в том числе в умах и делах народных лидеров. Солон и братья Гракхи были из их числа.

«Римляне, творцы правового государства, создали крупным и глубоким движением Гракхов, стремления которых сохранялись целые века после их трагической гибели, аграрный социализм. Нечто похо-

жее на примитивный коммунизм представляло законодательство о бедных у евреев, которое можно считать достойным образцом заботы государства о бедных», — говорит немецкий ученый Людвиг Штейн в своей монографии²; кстати, и само название сочинения, вышедшего более века тому назад, является примечательным событием и серьезным вкладом в исследуемый нами вопрос.

Совершенно ясно сформулировал социальную функцию государственной власти Монтескье: «В торговых странах... государство должно заботиться об удовлетворении нужд стариков, больных и сирот... Милостыней, бросаемой на улице голому, еще не исполнены обязанности государства, которое должно дать всем своим гражданам обеспеченное существование, пищу, надлежащую одежду и не вредное для здоровья жилище»³.

В античном Риме одну из колонн народная мудрость переименовала в «молочную». Дело было в том, что эту колонну женщины, родившие нежелательного ребенка, избрали излюбленным местом, куда стали подбрасывать своих несчастных детей. Местные власти, проявив недюжинный гуманизм, найденных здесь малышей взялись обеспечивать кормилицами и тем помогали спасти этих детей от голодной смерти!

Итак, гуманная часть общества, а затем человеколюбивая часть чиновничества склонилась к необходимости призрения⁴ убогих, нищих и страждущих. Вначале проявлялись робкие попытки благотворительности частных лиц, а затем государственной власти.

Как эта деятельность возникла и развивалась в античном Риме, рассмотрим ниже. Для примера автор «заинтересованно» выбрал самый яркий и уникальный период расцвета Римской империи — период, когда, по словам Тацита, «каждый мог думать, что хочет, и говорить, что думает»⁵.

Это время правления династии Антонинов — Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия и знаменитого императора-философа-стойка Марка Аврелия.

¹ Утяшев М.М. Теория социального государства // Правовое государство: теория и практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала (г. Уфа, 16–17 апреля 2015 г.). Уфа: ИЦ БашГУ, 2015. Ч. 1. С. 23–27.

² Штейн Людвиг. Социальный вопрос с философской точки зрения. М., Тип. Рихтер В., 1899. С. 214.

³ Монтескье Ш.Л. Дух законов. М.: Мысль, 1999

⁴ Призрение (устар.) — покровительство или попечение. Призреть — дать приют и пропитание.

⁵ Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. Л., М.: Наука, 1969. Т. II. С. 5.

Современный философ и гуманист Бертран Рассел также считает, что лучшие времена для Рима наступили с восшествия на престол Траяна в 98 году н.э. и продолжались до смерти Марка Аврелия в 180 году н.э.⁶

Династия началась с 96 года н.э. с краткого и почти случайного восшествия на вершину власти Марка Нервы Антонина.

Нерва Марк Кокцей — первый римский император из Антонинов — правил с 96 года н.э. Всего 2 года. Но и за этот короткий срок, оказывается, можно совершить немало хороших дел, если душой и сердцем предрасположен к добру. При нем были прекращены политизированные процессы по оскорблению величества, проведены некоторые мероприятия с целью приостановления упадка сельского хозяйства; сокращены налоги, введена алиментация (от лат. *alimentum* — пища, содержание; ср.: наши алименты) — система вспомоществования беднейшим свободнорожденным детям. Система была введена Нервой и продолжена Траяном и другими Антонинами.

Субсидию в 11–16 сестерциев⁷ в месяц получали дети италиков: мальчики — до 18 лет, девочки — до 14 лет. Замечательно, что все последующие императоры Антонины увеличивали предназначенные по алиментации средства. Примечательно еще и то, что пример властителей подхватили сердобольные и гуманные аристократы. В городах и провинциях Италии стали возникать алиментарные фонды, созданные из пожертвований граждан. К концу II века, с концом эпохи гуманистов Антонинов, программа помощи бедным была свернута.

Нервой был проведен аграрный закон, по которому земельные участки стоимостью более 60 миллионов сестерциев были разукрупнены и распределены между беднейшими гражданами⁸.

Пожилый и бездетный Нерва украсил свое правление еще и тем, что успел усыновить и сделать своим соправителем и преемником хорошего и гуманного Марка Ульпия Траяна (98–117).

Все свое правление новый император посвятил повышению благосостояния и блеска империи и достиг в этом небывалых успехов. Первым делом он отменил со-

хранявшиеся еще налоги⁹, затем продолжил алиментарную политику Нервы в отношении детей, в значительной мере улучшив ее. Совсем новое дело античного времени предпринял Траян, называемое в наши дни созданием рабочих мест. Обширные градостроительные работы потребовали множества рабочих рук. Ими были воздвигнуты знаменитый Форум Траяна с 39-метровой колонной, украшенной рельефными изображениями; одеон, гимназия, водопровод в Риме и акведуки, мосты, гавани и новые города-колонии по всей обширной империи от Германии и Испании до Черного моря и Закавказья¹⁰.

Траян продолжил начатое еще Нервой дело учреждения продовольственных касс. Из этих касс мальчики и девочки до окончания своего образования получали ежегодные стипендии. Эти стипендии были обеспечены землями и пользовались большим спросом. Траян расширил и обустроил гавань Анконы, что имело большое значение для развития торговли. Торговля несла не слишком тяжелое бремя однопроцентного налога с продаж, низких пошлин и сборов за провоз товаров через города и переправу через мосты. Эдилы ведали надзором за розничной торговлей, опираясь на превосходный свод правил...¹¹

«Государство регулировало многие стороны политической и экономической жизни Рима. Оно инспектировало рудники с правом на труд в условиях производственной безопасности, следило за выполнением государственных контрактов и концессий (запрет коррупции и укрепление государственной контрастной дисциплины). Оно (усмиряло волнения плебса), импортируя продовольствие и распространяя его по номинальной цене среди бедняков или всех желающих (получить пособие); оно облагало монополистов повышенными налогами (прогрессивное налогообложение вместо равного для всех), национализировало соляную промышленность, когда монополия настолько повысила цены на соль, что она стала недоступной для простого люда. Экономическая политика Рима была весьма ли-

⁶ Рассел Б. История западной философии. Ростов н/Д., М.: Республика, 2002. С. 319.

⁷ Весьма значительная сумма.

⁸ Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961. Т. 10. С. 135.

⁹ Читатель, вероятно, обратил внимание на тот исторический факт, что благополучие государства всегда растет с отмены или сокращения налогов, а не с их увеличения. Так было и в античные времена, так происходит и в наши дни.

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. В 86 т. М.: Издательство Брокгауза Эфрона, 1899. Т. 56.

¹¹ Дюрант Вил. Цезарь и Христос / пер. с англ. М.: АСТ, 1995. С. 367.

беральна: победив Карфагена она допустила в зону средиземноморья всех желающих там торговать, создавала свободные порты, в частности в Утике и Делосе, поставив условия оставаться свободными портами, для беспошлинного ввоза и вывоза товаров»¹².

Современный историк пишет: «Римская империя во времена расцвета была поразительно сложной системой. Зерно, ремесленные изделия и деньги свободно обращались от Северной Англии до верховий Нила. Здесь процветали ученость, развивались «шопингмоллы» вроде римского форума Траяна»¹³.

Траян оплатил обучение 5000 юношей, у которых было значительно меньше денег, чем способностей. В царствование Адриана правительственное финансирование средней школы было распространено на многие муниципалитеты по всей империи, а для оставших преподавателей существовал особый пенсионный фонд. Адриан и Антоний освободили от налогов ведущих преподавателей каждого крупного города, а также позволили им самоустраниться от несения наиболее обременительных гражданских обязанностей. Образование достигло расцвета тогда, когда повсюду росло суеверие, нравственность приходила в упадок, а литература увядала.

Траян широко раздавал права римского гражданства, вводил в сенат провинциальную знать. Он стремился приостановить разорение средних и мелких землевладельцев и горожан, продолжил программу алиментации.

В отношении плебса он проводил политику *panem et circenses* — «хлеба и зрелищ».

Траян и Адриан построили немало публичных библиотек, общественных зданий, дорог и основали множество городов. Нерва и Траян находились в известной мере под влиянием философии стоиков, вдохновлялись социальной этикой Эпиктета и Сенеки, прониклись идеями ответственной и направленной на благо человека политики¹⁴.

В цезаревой Норбе, которая арабами была переименована в нынешнее название Алькантара (что означает *мост*), инженеры перекинули через Таг самый совершенный из всех существовавших римский мост.

Граждане испанской провинции Сеговия, как и прежде, наслаждаются чистой во-

дой, поступающей по акведуку, выстроенному в правление Траяна¹⁵.

«Каждый в Александрии занят делом, говорится в письме, приписываемом Адриану; каждый занимался каким-нибудь ремеслом; работа находилась даже для увечных и слепых»¹⁶.

Адриан Антонин (117–138 н.э.) энергично взялся за благие дела, начатые предшественниками. Замечательным в новом императоре было то, что он, в отличие от предшественников, не стремился к расширению империи, а скорее предпочитал дружеские отношения с соседними государствами. Даже если они враждовали, Адриан делал им дружественные уступки. Он с благородной щедростью выдавал пособия городам союзников и провинций и, заботясь об их пользе, соорудил водопроводы, гавани, общественные здания, дарил хлеб жителям, деньги — городам, давал им привилегии. Он расширил сеть благотворительных заведений, устроенных Нервой и Траяном для воспитания бедных сирот¹⁷.

Многие из постановлений Адриана свидетельствуют о его юридическом таланте и его гуманности; таковы законы о политических преступлениях, о наветах, лжесвидетельстве.

Адрианом была ликвидирована порочная система сдачи на откуп частным лицам сбора государственных налогов; он учредил, пожалуй, первую в мире государственную почту; отменил многие недоимки; привел в порядок законодательство, издав кодекс законов «постоянный (вечный) эдикт»¹⁸.

Очень деятельно заботился Адриан о благосостоянии провинций. Он старался ввести во всех частях государства одинаковые налоги, одинаковое судопроизводство, вообще уравнивал положение многочисленных частей империи. Посещая провинции, которые он часто обходил пешком, Адриан оказывал им щедрые милости: улучшал и/или строил водопроводы, гавани, виадуки, площади, старался облегчить положение бедствующих округов и городов; добавлял различные привилегии бедствующим раздачей хлеба или денег, снижением на-

¹⁵ Там же. С. 513.

¹⁶ Там же. С. 545.

¹⁷ Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/> (дата обращения 02.02.2016).

¹⁸ Историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961. Т. 1. С. 218.

¹² Гельмгольц Г. История человечества. В 4 т. М., 1899. Т. 2. С. 446.

¹³ Фергусон Нилл. Цивилизация. М.: Цивилизация, 2014. С. 49.

¹⁴ Дюрانت Вил. Указ. соч. С. 331.

логового бремени, давал новые права населению¹⁹.

Покровительство Адриана наукам, литературе и искусствам создало новую эпоху их процветания. Он сам был поэт и прозаик; охотно вел беседы с философами, риториками, софистами, его окружала толпа фантазеров и мистиков, получавших от него деньги и почести.

Адриан лишил господ права убивать рабов без санкции магистрата²⁰. Он постановил, что пытка по отношению к рабам для извлечения доказательств может применяться только в таких крайних случаях и только согласно строгим правилам, а кроме того, он извещал судей о том, что свидетельства, вырванные под пыткой, никогда не заслуживают доверия²¹.

Под властью императора Антонина Пия (138–161 от Р.Х.) империя пользовалась спокойствием и счастьем. Его мудрая бережливость позволяла ему быть щедрым и благотворительным, и тем не менее он накопил большую казну²².

Добрый и скромный император был украшением престола, ибо он разделял прекрасный принцип государственного управления, сформулированный знаменитым Сципионом: «...лучше сохранить жизнь одного гражданина, чем убить тысячу врагов»²³.

Все древние писатели превозносят добродетели императора Антонина Пия: кротость его характера, заботливость о правосудии, об учебных и благотворительных учреждениях, щедрость его к другим при большой бережливости в собственном образе жизни²⁴.

При нем продолжалась социальная работа о бедных детях, заложенная его предшественниками. Антонин Пий чаще использовал свое императорское право для помилования осужденных или смягчения уголовных наказаний, чем для сурового осуждения подсудимых.

Пий запретил принимать анонимные доносы, и количество их заметно снизилось, власть отказалась от частого применения конфискации имущества граждан.

Свое огромное личное состояние император без сожаления тратил на пособия и вспомоществование страждущим, оказывал материальную поддержку людям, пострадавшим от землетрясения и от пожаров. Он позаботился о том, чтобы бедные граждане могли бесплатно попасть в общественные бани; в голодные годы власть империи обеспечивала граждан не только хлебом насущным, но и добавляла масла и вина.

Антонин Пий расширил и оснастил основанный еще Траяном воспитательный дом для бедных девочек. Как усердный ученик стоиков, он постановил, что в сомнительных случаях следует решать дело в пользу обвиняемого и что человек должен считаться невиновным, пока не доказано обратное, сформулировав тем самым два фундаментальных положения цивилизованного права: «Все сомнения и неясности трактовать в пользу обвиняемого и презумпция невиновности»²⁵.

Антонин запретил отцу продавать своих детей в рабство²⁶. Он позволил жестоко притесняемым рабам искать убежища в любом храме и продавать их другим господам в том случае, если удалось доказать, что прежние господа дурно с ними обращались²⁷.

Адриан и Антонин освободили от налогов ведущих преподавателей каждого крупного города, а также позволили им самоустраниться от несения наиболее обременительных гражданских обязанностей.

Последний «хороший» император из Антонинов вошел в историю под именем Марк Аврелий (161–180). Стоик и философ был усыновлен дядей — Антонином Пием²⁸. Как и всем правителям, Марку Аврелию приходилось много времени уделять умиротворению покоренных народов, что едва ли удовлетворяло его благородную натуру. Тем не менее он находил время для множества созидательных мероприятий, для совершенствования внутреннего управления и судопроизводства. Все его гражданские мероприятия отличались замечательным человеколюбием²⁹.

¹⁹ Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com>.

²⁰ Дюрант Вил. Указ. соч. С. 437.

²¹ Там же. С. 443.

²² Там же. С. 443.

²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. В 86 т. М.: Изд-во Брокгауза Эфрона. 1890. Т. 2. С. 854.

²⁴ Цит. по: Император Антонин Пий. Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com>.

²⁵ Император Антонин Пий. Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com>.

²⁵ Дюрант Вил. Указ. соч. С. 431.

²⁶ Там же. С. 435.

²⁷ Там же. С. 437.

²⁸ Как видно на примере Антонинов, наследование престола в Риме шло не по кровному родству.

²⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 2. С. 855.

Так, он расширил приюты для сирот и детей малообеспеченных родителей, продолжил финансирование алиментарных учреждений. Большое внимание он уделял судопроизводству (в частности, стремился восстановить лучшие образцы в этой сфере), усовершенствовал законы об опеке.

В Афинах Марк Аврелий учредил четыре новые кафедры, а профессорам назначил государственное содержание. Самого его называли «философом на троне», его замечательный труд «Размышления» до сих пор является этическим шедевром, полезным для людей любого возраста и звания.

Марк Аврелий призывал рабовладельцев выносить на рассмотрение судов дела об ущербе, причиненном им собственными рабами, вместо того чтобы карать их самолично; таким образом, надеялся он, право и рассудительность смогут занять место жестокости и самосудия³⁰.

По счастливому случаю у Траяна, Адриана и Антонина Пия не было сыновей, и каждый из них мог следовать этой модели, без того чтобы пренебречь своим отпрыском и переступить через отеческие чувства. Когда этот принцип соблюдался, Рим мог наслаждаться «блестящей чередой лучших и величайших суверенов, которых когда-либо знал мир». Еще одним доказательством от обратного является пример наследования власти родным сыном Аврелия — императором Коммодом, ставшим позором Рима.

«Эпоха деспотизма, трусости и безнравственности увенчалась расцветом монархии при Адриане и Антонинах и кроткой порядочности представителей Плиниева круга»³¹.

³⁰ Дюрант Вил. Указ. соч. С. 437.

³¹ Там же. С. 478.

Итак, мы видим вполне социальное государство, которое заботилось о благополучии своих граждан. Но ситуация, в которой оказался Рим (в IV веке), не позволяла далее проводить либеральную политику, а пытавшиеся ее проводить Марк Аврелий и Александр Север потерпели крах. Окруженное врагами со всех сторон, Римское государство действовало так, как и должны действовать все державы во время судьбоносных войн: оно согласилось на диктатуру сильного вождя, обложило своих граждан непосильными налогами и ради обеспечения коллективной свободы отложило в сторону свободу индивидуальную³².

Литература

1. Гельмгольц Г. История человечества. В 4 т. Т. 2 / Г. Гельмгольц. М., 1899.
2. Дюрант В. Цезарь и Христос / Дюрант В.М. / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ. 1995. С. 367.
3. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. Ростов н/Д., 2002.
4. Тацит К. Сочинения в 2 томах. Т. II / К. Тацит. Л., М.: Наука, 1969. Т. II.
5. Утяшев М.М. Теория социального государства. Правовое государство: теория и практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала (г. Уфа, 16–17 апреля 2015 г.) / М.М. Утяшев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Ч. 1. С. 23–27.
6. Фергюсон Н. Цивилизация / Н. Фергюсон / пер. с англ. М.: АСТ. 2014.
7. Штейн Л. Социальный вопрос с философской точки зрения / Л. Штейн. М., Тип-лит Рихтер В., 1899.

³² Там же. С. 693.

Понятие должностного лица в уголовном законодательстве и в теории уголовного права России во второй половине XIX — начале XX века

*Лысак Николай Васильевич,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета Белгородского университета кооперации,
экономики и права,
кандидат юридических наук
nvlisak@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию понятия «должностное лицо» применительно к уголовному законодательству России второй половины XIX — начала XX века.

Ключевые слова: служба, должностное лицо, субъект должностных преступлений.

Notion of Officer in the Russian Criminal Legislation and Criminal Law Theory in the Second Half of XIX — Beginning of XX Century

*Lysak Nikolay V.,
Professor of the Department of Criminal Law and Proceedings
of the Law Faculty of the Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law,
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to the study of the concept of «officer» in relation to the criminal legislation of Russia in the second half of the XIX — beginning of the XX century.

Key words: service, the officer, the subject of the misconduct.

Уголовно-правовое регулирование служебных отношений в Российской империи второй половины XIX — начала XX века осуществлялось на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1866 и 1885 гг.)¹

В разделе пятом, который носит название «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», устанавливалась ответственность за должностные преступления и проступки. Однако, устанавливая ответственность за преступления по службе, законодатель не определился в законе с понятием должностного лица. Между тем, как отмечается в юридической литературе, в теории дореволюционного уголовного права и практике его применения считалось, что субъектом преступлений, предусмотренных в разделе V Уложения о наказаниях, являлось должностное лицо². В самом же законе должностное лицо именовалось другими

терминами. По этому поводу автор фундаментальной работы, посвященной исследованию должностных преступлений, В.Н. Ширяев писал, что «Уложение о наказаниях, чуждое вообще каких-либо теоретических определений, не знает и определения должностного лица; мало того, оно не имеет даже определенного термина и пользуется наименованиями самыми разнообразными для определения виновников должностных преступлений; число этих наименований достигает нескольких десятков. Наиболее часто для определения субъекта преступления закон говорит о «виновном», затем довольно часто закон употребляет выражение «должностное лицо». Этот термин заменяется и ставится иногда рядом с выражением «чиновник» (ст. 338–340, 343); другими более общими терминами, употребляемыми сравнительно реже, являются: «лицо, состоящее на службе государственной или общественной» (ст. 346, 372, 392), «вообще состоящее на службе» (ст. 354) и т.п.»³

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцев. 15-е изд. СПб., 1910. 910 с.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 364.

³ См.: Ширяев В.Н. Взятничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, М.: Тип. Губ. правл, 1916.

Отсутствие в Уложении о наказаниях законодательного определения понятия должностного лица отражалось и на взглядах теоретиков уголовного права. В своих работах они по-разному подходили к наименованию лиц, совершивших должностные преступления. Зачастую из их теоретических определений трудно было понять, кто же, по их мнению, мог быть субъектом должностных преступлений — «должностное лицо» или, например, «лицо, состоящее на службе». Видели ли они различия между этими двумя понятиями или допускали тождество, имея в виду, что как одно, так и другое образует общее понятие «должностное лицо». Например, И.Я. Фойницкий предлагал в качестве субъекта преступлений по службе государственной и общественной рассматривать либо должностное лицо, либо лицо, состоящее на службе. Он писал буквально следующее: «Лицом должностным или состоящим на службе признается всякое лицо, исполняющее или долженствующее исполнять обязанности по службе государственной или общественной (или в частных банках) в силу законно возложенного на него поручения. При этом безразлично, присваивается ли данной службе какой-нибудь чин или право на чинопроизводство или же нет. Безразлично также, соединяется ли исполняемая виновным служба с занятием должности или нет. Субъектом должностного преступления могут быть лица, как занимающие определенную должность, так и лица, служащие по вольному найму. Не имеет значения и ранг занимаемой должности»⁴.

А. Лохвицкий при определении субъекта взяточничества не употребляет термин «должностное лицо», а говорит, что таковым должно быть лицо, состоящее на государственной или общественной службе⁵.

Л.С. Белогриц-Котляревский, исследуя в своих работах состав должностного присвоения чужого имущества, отмечал, что это преступление совершается по службе и выражается в противозаконном обращении в свою собственность должностным лицом вверенного ему по службе чужого имущества⁶. Сущность этого вида деяния заключалась в осо-

бенностях субъекта. Субъектом, писал он, должно быть лицо, состоящее на службе государственной или общественной; этой последней называется служба в земских или сословных, не исключая и волостных, учреждениях по назначению правительства или по выборам, безразлично — штатная или по вольному найму; к ней приравнивается служба в общественных и даже частных банках, т.е. в учреждениях кредита (ст. 1153–1154). Лиц, состоящих на службе, не следует смешивать с теми, которые только исполняют поручения общественных учреждений, например комиссионеры банков, подрядчики присутственных мест⁷.

Следует отметить, что теоретики дореволюционного уголовного права расходились во взглядах и по вопросу оснований для признания того или иного служащего «должностным лицом». Одни полагали, что достаточным основанием для этого является нахождение виновного лица на государственной или общественной службе, другие же, кроме этого считали необходимым в каждой конкретной ситуации рассматривать круг служебных обязанностей (полномочий), предоставленных по закону или уставу.

Так, В.Н. Ширяев, исходя из анализа действующего уголовного законодательства и практики его применения, обращает внимание, что «должностным лицом — чиновником является не только человек, занимающий должность государственной службы, но также и лицо, «служащее по определению от правительства», независимо от занятия какой-либо должности. Наиболее характерным моментом для понятия чиновника наше право признает состояние на государственной службе; свойство служебных обязанностей и срок службы; условия вознаграждения не имеют решающего значения»⁸.

В данном случае необходимым признаком должностного лица следовало считать, по его мнению, нахождение чиновника на государственной службе, при этом независимо от характера и объема служебных обязанностей.

С.В. Познышев придерживался другого мнения и утверждал, что должностные преступления могли быть совершены только должностными лицами, и полагал считать таковыми тех лиц, которые по приказу или назначению компетентного органа государственной власти исполняют какие-либо обязанности, а также обязанности, определяемые законом, либо согласно

С. 211–212; Он же. Субъект должностных преступлений. Ярославль, М.: Тип. Губ. правл., 1913. С. 27–28.

⁴ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посяательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб., М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. С. 314.

⁵ См.: Лохвицкий А. Указ. соч. С. 407.

⁶ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Петербург — Харьков,

М., Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. С. 444.

⁷ Там же. С. 444.

⁸ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 211.

закону, либо уставом⁹. К должностным лицам, по его мнению, могли быть приравнены в определенных случаях директора и члены правления частных кредитных установлений, железнодорожные агенты и вообще лица, от исполнения обязанностей которых зависела безопасность мореплавания, судоходства или железнодорожного движения, а также и другие лица¹⁰.

В.В. Есипов считал, что в отсутствие в Уложении о наказании легального определения понятия «должностное лицо» при уголовно-правовой оценке действий служащего главным образом следует исследовать существо его служебных прав и обязанностей и существо самого нарушения. Поэтому, писал он, в законе должно быть обращено внимание не на именованное виновного лица, а на служебный характер его проступка, что выражается в нарушении различных специальных прав и обязанностей, указанных в надлежащих уставах и учреждениях¹¹.

Изложенное свидетельствует о том, что при решении вопроса о признании служащего субъектом должностного преступления акцент делался в основном на содержании и объеме его служебных полномочий, которыми он наделен в силу закона или устава, а не только на факте нахождения на государственной или общественной службе.

Таким образом, анализ различных точек зрения ученых в области уголовного права показывает, что у них не было единства во взглядах как по вопросу наименования субъектов должностных преступлений, так и по признакам, их определяющим. Но в любом случае к должностным лицам могли быть отнесены только те служащие, которые находились на государственной или общественной службе.

Что касается определения государственной и общественной службы, то здесь особых разногласий у исследователей не было.

Например, И.Я. Фойницкий под общественной службой понимал службу в сословных, земских, городских или волостных установлениях по определению правительства или по выборам на таких постах, которые учреждены законом в значении должностей¹².

Аналогичное определение общественной службы давал и С.В. Познышев. Кроме того, он, как и И.Я. Фойницкий, отмечал, что к государственной и общественной службе в определенных случаях приравнивалась служба в общественных и частных банках, т.е. в учреждениях долгосрочного или краткосрочного кредита¹³.

По мнению А. Лохвицкого, под лицом, находящимся на общественной службе, следовало понимать такое лицо, должность которого устанавливалась законом, хотя и замещалась по выбору. Но, в отличие от других авторов, к существенному признаку, характеризующему лицо, состоящее на службе, он относил принятие им присяги¹⁴. По его утверждению, лица, не приведенные к присяге, не могли быть на службе правительства и это исключало возможность привлечения их к уголовной ответственности за взяточничество¹⁵.

Однако позиция А. Лохвицкого не нашла поддержки среди представителей дореволюционной науки уголовного права. Например, Н.С. Таганцев писал: «Непринятие присяги есть только несоблюдение форм и обрядов, установленных для вступления в должность, а посему и невыполнение присяги не делает служащего частным человеком»¹⁶.

Служба в порядке государственного управления в широком смысле включала в себя законодательную, исполнительную и судебную деятельность¹⁷.

Таким образом, анализ различных точек зрения дореволюционных юристов показывает, что они расходились во взглядах по вопросу дефиниции должностного лица, его признакам. Но в любом случае субъектом служебных преступлений могли быть только служащие, находящиеся на государственной или общественной службе. Что касается общественной службы, то здесь все было вполне очевидно. Ученые-юристы в своих работах были солидарны в определении общественной службы, ее основных видов.

Высшая законодательная власть принадлежала императору, совещательным органом при котором был Государственный Совет. Его члены назначались царем. Высшей судебной инстанцией был Сенат, обладав-

⁹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права / Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. С. 473–474.

¹⁰ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 474.

¹¹ См.: Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Книга первая. Преступления против государства и общества. 2-е изд., пер. и доп. М.: Правоведение, 1906. С. 85.

¹² Там же. С. 314.

¹³ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 181.

¹⁴ См.: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб.: Изд-во Журнала Министерства Юстиции, 1867. С. 406.

¹⁵ Там же. С. 406.

¹⁶ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г., Таганцев Н.С. М., СПб., 1904. С. 967.

¹⁷ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. С. 15.

ший также правом толковать законы. Исполнительная власть была сосредоточена в одиннадцати министерствах и координировалась Комитетом министров. На местном уровне власть находилась в руках генерал-губернаторов, назначаемых из центра правительством. Большое количество чиновников в центре и на местах значительно усложняло управление огромной империей¹⁸. Таким образом, весьма многочисленный отряд чиновников находился в России на государственной службе.

В юридической литературе отмечалось, что «правильная работа органов государства могла быть достигнута главным образом усиленной борьбой со служебной преступностью»¹⁹. Между тем в России начиная с 1909 года наблюдались тенденции ее роста. Так, С.С. Остроумов отмечал, что подкупы, взятки, ложные доносы, биржевые аферы должностных лиц, показывающие нравственный облик значительного числа «крупных и мелких» служащих в государственных и частных учреждениях, убедительно подтверждаются ростом служебных преступлений с 13 461 (1909 г.) до 14 501 уголовного дела (1913 г.)²⁰.

Очевидно, что рост служебной преступности был детерминирован не только социальными и экономическими условиями жизни народа, но и в какой-то степени несовершенством уголовного законодательства.

Следует заметить, что отсутствие легального определения должностного лица в действующем уголовном законодательстве, наличие множества наименований субъектов преступлений по службе вело к тому, что понятие «должностное лицо» трактовалось весьма широко не только в теории уголовного права, но и в судебной практике, что значительно затрудняло борьбу с должностными преступлениями. По выражению В.Н. Ширяева: «Круг виновников должностных преступлений в настоящее время значительно разросся, выйдя далеко за пределы понятия должностного лица»²¹. С точки зрения нашего законодательства и судебной практики возможными субъектами долж-

ностных преступлений являются или специально указанные в самом тексте закона должностные лица, или лица, приравняемые должностными в силу характера отправляемых ими обязанностей»²².

Последнее вело к тому, что при привлечении к уголовной ответственности за преступление по службе «не имело значения, состояло ли данное лицо на службе в государственном аппарате или в органах сословного, а впоследствии земского или городского самоуправления. К числу должностных лиц относились как штатные, так и внештатные сотрудники, как получавшие, так и не получавшие вознаграждение за служебную деятельность, как чиновники, так и канцелярские служащие (писцы, сторожа, курьеры и т.п.)»²³, занимающие должности как по назначению, так и по найму»²⁴. Таким образом, несовершенство уголовного законодательства создавало широкие возможности для расширительного толкования понятия должностного лица.

В Уголовном уложении 1903 года (так и не вступившем полностью в действие) законодатель предпринял попытку дать общее понятие «служащий» и на этой основе сгруппировать преступления по службе в главе тридцать седьмой «О преступных действиях по службе государственной и общественной»²⁵.

²² Там же. С. 219.

²³ Волостной писарь был признан виновным в совершении преступления по службе и привлечен к уголовной ответственности как должностное лицо за присвоение суммы страхового сбора / См.: Белецкий В.П. Сборник обвинительных пунктов по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Житомир: Типография Дененмана, 1909. С. 59–60; Сельский староста И. был привлечен к ответственности как должностное лицо за растрату 25 рублей общественных денег; за преступление по должности был привлечен к уголовной ответственности волостной старшина крестьянин К. См.: Систематический сборник решений Правительствующего сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления по должности (1868–1896) / составители В.И. Тимофеевский и С.П. Кузнецов. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1896. С. 614–615.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С. 364.

²⁵ См.: Маргулис М.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С постановочными выдержками из объяснительной записки и журналу Гос. Совета с подробными предметным и сравнительным указателями. СПб.: Т-ва печати и изд. дела «Труд», 1904. VIII. 488 с.

¹⁸ См.: Щепетев В.И. История государственного управления в России. Учебник. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 307.

¹⁹ См.: Эстрин А.Я. Взятничество в доктрине и законодательстве // Труды кружка уголовного права при Санкт-Петербургском университете / под ред. М.М. Исаева. СПб., М., 1913. С. 154.

²⁰ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. С. 174.

²¹ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 212.

В ст. 636 Уголовного уложения 1903 года было сформулировано понятие служащего. Оно было следующего содержания: «Служащим почитается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица или полицейского, или иного стража или слугителя, или лица сельского или мещанского управления»²⁶. Как утверждалось в уголовно-правовой литературе, «в основу понятия служащего было положено исключительно юридическое свойство правомочий виновного, если деятельность лица получала инвеституру от Верховной Власти или от установленных его органов государственно-общественного управления и составляла участие в государственном управлении в обширном смысле этого слова, то и само отбывающее ее лицо должно было признаваемо органом власти, безразлично, принята ли она им на себя добровольно или в смысле служебной повинности»²⁷. В приведенном определении законодатель так и не ответил на вопрос, что же следует понимать конкретно под должностным лицом. Оно было непоследовательным по содержанию и противоречивым по смыслу и поэтому создавало широкий простор для распространительного толкования понятия субъекта должностных преступлений. Эта законодательная новелла была подвергнута критике со стороны теоретиков уголовного права.

Так, С.В. Познышев писал, что «определение это, с логической стороны, вряд ли выдержит критику, так как определяет служащего как должностное лицо, значит, вводит в определение под другим названием то же понятие. А говорить альтернативно о должностном лице или о полицейском страже значит вызывать справедливый упрек: что же, разве чины полицейской стражи не должностные лица? Их положение на лестнице служебной иерархии невысоко, но они все же должностные лица»²⁸. Критически оценил он и попытки разработчиков этого положения дать разъяснения по более точному определению должностного лица²⁹.

Таким образом, поиск дореволюционными учеными наиболее оптимальной формулы должностного лица к успеху так и не привел. К тому же, по мнению некоторых из них, это было трудновыполнимой задачей, поскольку «понятия о государственной должности и должностном лице тесно связаны были со

всем государственным укладом и подвержены изменениям, в зависимости от политических и экономических условий социальной жизни, и потому трудно поддавались теоретическим обобщениям»³⁰.

С тех пор прошло много лет, но до настоящего времени в доктрине уголовного права и в законодательстве нет определенности в отношении понятия «должностное лицо», а признаки, определяющие его, носят оценочный характер, что, собственно, и создает проблемы в квалификации должностных преступлений.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что уголовным законодательством дореволюционной России предусматривалась ответственность за преступления по службе государственной или общественной. Однако в этой части оно было безупречно.

Это заключалось в том, что в действующем Уложении о наказании отсутствовало легальное определение понятия должностного лица, что негативно сказывалось и на судебной практике, которая шла по пути расширительного толкования субъекта должностных преступлений. И поэтому нередко статус должностного лица приобретали лица, не имевшие отношения ни к государственной службе, ни к общественной.

Существенно затрудняло квалификацию преступлений, совершаемых по должности, и то обстоятельство, что фактически была размыта грань между понятиями «должностное лицо» и «служащий». В теории и практике их зачастую отождествляли.

В Уголовном уложении 1903 года проблеме определения лиц, которые могли бы иметь статус должностного лица, законодатель так и не решил. Хотя некоторые положительные тенденции в этом вопросе и обозначил.

Литература

1. Белецкий В.П. Сборник обвинительных пунктов по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Житомир: Типография Дененмана, 1909. 311 с.
2. Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права. Киев. Петербург — Харьков, 1903. 843 с.
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. 368 с.
4. Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Книга первая. Преступления против государства и общества. 2-е изд., пер. и доп. М.: Правоведение, 1906. 286 с.
5. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб, М.: Изд-во Журнала Министерства Юстиции, 1867. 662 с.

²⁶ Там же. С. 299.

²⁷ Там же. С. 300.

²⁸ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 474.

²⁹ Там же. С. 474.

³⁰ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 224.

6. Маргулис М.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С поstateйными выдержками из объяснительной записки и журналу Гос. Совета с подробными предметным и сравнительным указателями. СПб., М.: Т-ва печати и изд. дела «Труд», 1904. VIII. 488 с.
7. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права / Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. 516 с.
8. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
9. Систематический сборник решений Правительствующего сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления по должности (1868–1896) / сост. В.И. Тимофеевский и С.П. Кузнецов. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1896. 930 с.
10. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Таганцев Н.С. М., СПб., 1904. 1124 с.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / изд. Н.С. Таганцев. 15-е изд. СПб., М.: Тип. М. Меркушева, 1910. 910 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посяательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб., М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 451 с.
13. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, М.: Тип. Губ. правл., 1916. 577 с.

Источники советского права: проблемы понимания

*Берлявский Леонид Гарриевич,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
доктор исторических наук, кандидат юридических наук
berlg@yandex.ru*

*Данихно Светлана Николаевна,
магистрант юридического факультета
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат исторических наук
danikho@mail.ru*

С точки зрения широкого подхода важным представляется ретроспективный анализ феномена источников советского права как пластичного и динамичного образования, способного к трансформации в зависимости от внешних обстоятельств. Проблема понимания источников советского права не должна быть ограничена сведением их к официально-документальным и санкционированным формам.

Ключевые слова: советское право, источники права, нормативные акты, правовые обычаи, правоупонимание.

Soviet Law Sources: Problems of Understanding

*Berlyavskiy Leonid G.,
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Rostov State University of Economics (RINKH),
Doctor of History, Candidate of Legal Sciences*

*Danikhno Svetlana N.,
Master's Program Student of the Law Faculty of the Rostov
State University of Economics (RINKH),
Candidate of Historical Sciences*

From the point of view of «the wide» approach important the retrospective analysis of a phenomenon of sources of the Soviet Law as a plastic and dynamical formation capable to transformation depending on external circumstances is represented. The problem of understanding of sources of the Soviet law should not be limited to the officially-documentary and authorized forms.

Key words: Soviet Law, legal sources, statutory acts, legal customs, legal understanding.

Проблема понимания источников советского права не нова. Помимо узкого подхода, сводящего корпус источников права к ограниченному перечню его официально-документальных форм, устанавливаемых или санкционируемых государством, применяется так называемый широкий подход. Сторонники последнего относят к источникам права разнообразный комплекс явлений и процессов, включающий экономические, социально-политические и физические условия жизни общества («материальные источники права»), а также идеологию и правосознание («идеальные источники»). При этом официально-документальные формы понимаются как формальные источники или формы права.

Спор о понимании источников права возник уже в дооктябрьский период, когда даже противники расширительного толкования не отождествляли их с нормативными актами. Так, Г.Ф. Шершеневич называл источниками права закон, правовой обычай, административный указ, судебную практику. Сторонниками широкого понимания были В.И. Сергеевич, Н.Е. Чижов (Метла), А.И. Петражицкий и др.¹

В первые послереволюционные годы и вплоть до начала 30-х годов XX века разработка проблемы источников права велась преимущественно с позиций широкого правопонимания. В трудах Е.Б. Пашуканиса, М.А. Рейснера, П.И. Стучки, Я.М. Магазинера высказывались идеи о связи формальной стороны права с общественными отношениями, правотворчеством, правосознанием. Сопоставляя правовые идеи П.И. Стучки и Е.Б. Пашуканиса, исследователи отмечают, что авторы этих авторитетных концепций правопонимания были едины в главном: право существует на нескольких уровнях — общественных отношений, социальных норм и общественного сознания².

Реалии первых лет советской власти давали богатейший эмпирический материал для развития социологических, психологических, иных оппозиционных позитивизму трактовок источников права. Приметой времени являлись: стихийное, разноуровневое, демократическое правотворчество, рождение права из острой социальной потребно-

сти и в качестве непосредственной реакции на нее, довольно заметная эмоциональная окрашенность юридических текстов. Эти черты были своеобразно отражены Ник. Клюевым в стихотворении 1918 года из цикла «Ленин», в котором улавливался «игуменский окрик в декретах» и «керженский», старообрядческий дух единоличного автора многих из них³.

Во второй половине 30-х годов XX века возобладал нормативистский (легистский) подход к правопониманию. Отечественное правоведение восприняло идеи, высказанные в ходе I Совещания по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Сформулированное А.Я. Вышинским общее определение права как совокупности «правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»⁴ дает предостережение об официально-догматической трактовке корпуса источников советского права.

Показательно высказывание А.Я. Вышинского относительно практики использования источников права прежней эпохи: «Но если «сразу» на другой день после захвата пролетариатом власти пролетариат вынужден в известной мере пользоваться старыми законами и старыми нормами права, ибо других нет, то значит ли это, что так будет и через год, и через 5, 10 и 20 лет? Нет, не значит»⁵.

На десятилетия данная трактовка станет фактически единственной. «Советский юридический словарь» (1953 г.) определял источники права как «юридический термин, служащий для обозначения различных форм, в которых выражается воля господствующего класса при установлении норм права»⁶. Источниками советского права в этом издании были названы нормативные акты — законы; указы Президиума Верховного Совета СССР и президиумов Верховных Советов союзных

¹ Ельчанинова О.Ю. Источники русского права XVII века: проблемы дефиниции и классификации // *Юридические исследования*. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14421.html.

² Тихоновский Ф.И. Понимание права в советской юридической науке: 1917–1938 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 168.

³ Клюев Н.А. Ленин (Есть в Ленине керженский дух...) // *Клюев Н.А. Огнекрылая душа*. М.: НексМедиа, Комсомольская правда, 2012. С. 214.

⁴ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. М.: Госюриздат, 1938. С. 183.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Источники права // *Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь и др.* М.: Госюриздат, 1953. С. 249–250.

и автономных республик нормативного содержания; подзаконные акты — постановления Совета Министров СССР, равно как и постановления Советов Министров союзных и автономных республик.

Помимо этих (основных) к числу источников советского права были отнесены различные акты, издаваемые министрами в пределах своей компетенции, а также решения местных органов власти — Советов депутатов трудящихся в том случае, если они содержат общие правила. Наконец, таковыми признавались нормативные договоры в трудовом, государственном и международном праве. Обычай как источник права занимал «самое незначительное место и лишь постольку, поскольку это допускается законом»⁷. Что же касается судебного прецедента, то здесь позиция была изложена достаточно однозначно: он не является источником права в СССР (хотя руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР признавались обязательными для всех судов при рассмотрении ими аналогичных дел)⁸. В данном перечне присутствовали также акты, имевшие двойственную партийно-государственную природу — совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

При этом весьма неопределенными представляются понятие «правила общежития» и конкретные сроки, отводимые идеологами советского права для отказа от использования источникового наследия буржуазной эпохи. Проводимая в ходе совещания 1938 года идея о необходимости использования трудов классиков марксизма-ленинизма, сталинских работ для разрешения всех вопросов науки о государстве и праве подчеркивает актуальность доктрины как источника права. На излете сталинской эпохи достаточно определенно высказывалась идея первичности «материальных условий жизни класса» как подлинного источника права, их приоритета перед формальным воплощением классовой воли⁹.

Двойственность понимания источников советского права породила длительные дискуссии об источниках и формах права. По мнению К.В. Петрова, впервые эта проблема была поставлена в докладе С.Ф. Кечекьяна «Спорные вопросы учения об источниках права» в 1943 году в Институте права АН СССР¹⁰. Дискуссия активизировалась в свя-

зи с выходом публикаций Н.Г. Александрова (1948 г.)¹¹, Д.А. Керимова (1950 г.)¹², А.Ф. Шебанова (1968 г.)¹³, С.Л. Зивса (1981 г.)¹⁴.

Обсуждение данных проблем представляло собой спор о соотношении внутреннего (формального) и внешнего (сущностного) в праве. Дихотомия формы и источника права предоставляла возможность выхода за рамки юридического позитивизма, использования иных подходов к правопониманию как минимум в дискуссионном ключе. Разумеется, тезис о главенстве закона оставался незыблемым, корпус источников в официальной доктрине по-прежнему трактовался узко и лишь в строго иерархическом понимании. Так, в «Марксистско-ленинской теории государства и права» (1973 г.) в числе источников советского права выделены нормативные акты органов социалистического государства и общественных организаций, акты референдума, санкционированный государством правовой обычай¹⁵.

Однако в 1976 году Л.С. Явич называет источником права материальные условия жизни общества, господствующий тип производственных отношений, понимая акты государственной власти лишь в качестве одного из видов — юридических источников права¹⁶. Аналогичные примеры можно привести и в отношении отдельных видов источников права. В частности, они назывались в ходе дискуссии относительно места судебной практики в советской правовой системе¹⁷.

Таким образом, уже в советский период можно говорить о наличии трех уровней понимания источников советского права: теоретического, формального (догматического) и реального.

В настоящее время, на фоне глубокого теоретического и методологического кризиса, постигшего, по мнению ряда авторитетных специалистов, отечественную теорию источ-

⁷ Там же. С. 251.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 250.

¹⁰ Петров К.В. Источники и формы права в советском правоведении // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 2. С. 24.

¹¹ Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946. Вып. 8. С. 47–54.

¹² Керимов Д.А. Источники советского социалистического права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1950.

¹³ Шебанов А.Ф. Форма советского права. М.: Юридическая литература 1968.

¹⁴ Зивс С.Л. Источники права. М.: Наука, 1981.

¹⁵ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. С. 325.

¹⁶ Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 111–112.

¹⁷ Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1976.

ников права¹⁸, продолжают попытки анализа источников советского права с позиций юридического позитивизма. Многие исследователи по-прежнему сводят корпус источников права к узкому кругу официальных форм. Так, Д.А. Пашенцев называет основным источником права в первые послереволюционные годы лишь декреты и постановления ВЦИК и СНК¹⁹. Подобной стратегии придерживается и Ю.П. Титов, однозначно называющий источниками права в первые советские годы лишь декреты советской власти. Использование в качестве источника права «старого права» обозначено как дискуссионный вопрос, с учетом того, что «в отсутствие правовых актов вопросы решались, опираясь на революционное правосознание»²⁰.

Однако такая трактовка явно вступает в противоречие и с названными позициями современников советской эпохи, и с материалами новейших исследований проблемы. Так, по мнению исследователей статуса партийных документов в советскую эпоху, ученый, использующий классические положения теории права, в соответствии с которыми в основу правовой системы положен нормативный правовой акт, «неизбежно приходит к констатации проблемы, когда в обход формально закрепленных правил действовала система издаваемых партий директив, циркуляров, указаний»²¹.

Поэтому правоведы, стоящие на позициях юридического позитивизма, намеренно используют разнообразные приемы локализации источников советского права. В диссертационном исследовании Н.Е. Садохиной, по словам автора, «впервые произведен анализ не отдельного вида источников права, а всей их совокупности, представленной в единстве их взаимосвязей», при этом использована категория «источник позитивного права». Она определяется как «выражение государственной воли в определенной форме, обусловленной существом регулируемых правоотноше-

ний, предпочтительной для правовой системы конкретного государства»²².

В числе источников позитивного права, официально признанных в советский период, названы нормативно-правовой акт, нормативный договор и санкционированный обычай; признано, что фактически таковыми являлись также судебная практика и доктрина²³. За исключением прямого указания на доктрину, приведенный автором перечень практически полностью совпадает с рассмотренным нами ранее каталогом источников образца 1953 года.

Современные исследователи изучают к изучению источников советского права с позиций широкого подхода, что представляется более оправданным. В данном случае корпус источников представлен достаточно широким кругом явлений и процессов, отнюдь не аксиоматичным является заявление о доминировании закона (нормативного акта), источники изучаются в исторической динамике.

В учебной литературе подобный подход с успехом использует И.А. Исаев, рассматривая в качестве источников советского права такие разнородные явления, как революционное правосознание, декреты советской власти, складывавшаяся судебную практику и продолжавшие действовать нормы обычного права и акты предыдущей эпохи²⁴. Автор демонстрирует трансформацию системы источников советского права в отдельные подпериоды его развития²⁵. Аналогичные идеи нашли отражение в авторском пособии Ц.Ц. Михеевой (2013 г.), а также в исследованиях, посвященных «нетипичным» источникам советского права — доктрине, правосознанию, партийным актам и др.

Рассматривая историческую судьбу социалистической правовой семьи в постсоветское время, А.Х. Саидов выделил намеченные в отечественной теоретико-правовой науке два основных подхода: с одной стороны, крушение породившей социалистическое право советской государственности дало основание считать его «не более чем историческим памятником». С другой стороны, обнаруживались преемственность и несомненное влияние, оказываемое социалистическим правом на дальнейшее формирование новой модели отечественной правовой системы²⁶.

¹⁸ Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 69; Гаджиев Г.А. Введение // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2006. С. 6.

¹⁹ Пашенцев Д.А. История государства и права России. Курс лекций. М.: Эксмо, 2010. С. 317.

²⁰ История государства и права России. Учебник / под ред. Ю.П. Титова. М.: Проспект-Н, 1999. С. 292–293.

²¹ Винниченко О.В., Ваганов А.М. К вопросу об определении статуса партийных актов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 204.

²² Садохина Н.Е. Развитие источников российского права в советский и постсоветский период. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 8.

²³ Там же. С. 8, 15.

²⁴ Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. М.: Юрист, 2004. С. 574–575.

²⁵ Там же. С. 676, 732.

²⁶ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности).

В настоящее время становится очевидной продуктивность второго из названных подходов, так как невозможно списать источники советского права в разряд правовых памятников, поставить их в один ряд с «Русской Правдой», ярлыками золотоордынских ханов или актами имперского периода правовой истории страны. Грань, отделяющая категорию «юридический памятник» от источника права, достаточно зыбка, интуитивна. По меткому замечанию одного из исследователей, необходимо отдавать себе отчет в том, что в рамках юридического источниковедения мы имеем дело с эпохами, «когда право понималось иначе, чем сегодня»²⁷.

Известно высказывание Рене Давида, который, признавая антидемократический характер советской системы и указывая на ущербность правотворческого процесса, писал, что «единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией»²⁸. В этом усматривается попытка объединить такие несопоставимые по сути явления, как стихийное правотворчество периода революционного романтизма и законодательство тоталитарной эпохи.

Более категоричен В.С. Нерсесянц, утверждавший, что «если отбросить демагогические ухищрения Вышинского, то суть его определения права состоит в том, что право — это приказы диктаторской власти»²⁹. С позиций либертарно-юридической теории правопонимания неправовые законы не могут иметь статуса правового акта. Следуя этой логике, значительную часть нормативных актов советской эпохи, грубо попирающих принципы равенства и гуманизма (все эти знаменитые «неработающий да не есть», «три колоска», «ни шагу назад»), правовые доктрины, даже сформировавшиеся в ту эпоху правовые обычаи (советские суды в случае развода оставляли детей преимущественно с матерями!) можно списать в категорию «неправовых», т.е. отказать им в статусе источников права.

Подобное видение проблемы отнюдь не является общепринятым. Оценивая положения Декрета о суде № 1, прямым источником норм которого названо революционное правосознание, Ц.Ц. Михеева отмечает, что «многие сегодня склонны оценивать этот источник права как обоснование произвола и беззакония. Но так видится прошлое из настоящего. А для своего времени это была вынужденная мера»³⁰.

С точки зрения широкого подхода к пониманию источников советского права важным представляется ретроспективный анализ феномена источников советского права как пластичного и динамичного образования, способного к трансформации в зависимости от потребностей юридической практики. Весьма продуктивным может стать анализ источников советского права с позиций актуальной в настоящее время концепции «живого права», а также различных подходов, объединяемых условно в понятие «неправо». Суть концепций «параправа», «негативного права», «теневого права», сформулированных в работах И.А. Честнова, Ю.А. Тихомирова, В.М. Баранова, В.К. Самигуллина и др., при всем их различии состоит в том, что наряду с официально-государственным правом и одновременно с ним право формируется обществом в практических ситуациях правореализации, правоприменения. Подобное сотворчество осуществляется в самых разнообразных формах, в том числе и посредством игнорирования населением правовых предписаний, порождения неких гибридных форм либо трансформации нормативных предписаний в их антиподы.

Таким образом, проблема понимания источников советского права не должна быть ограничена сведением их к официально-документальным и санкционированным властью формам. Источники советского права в их исторической динамике необходимо рассматривать с позиций широкого подхода, в контексте современной им советской эпохи, тем более что достижения теории права тех лет широко используются в современной науке.

Литература

1. Берлявский А.Г. Правовое регулирование науки и научной деятельности в советском государстве (1917–1941 гг.). Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
2. Садохина Н.Е. Развитие источников российского права в советский и постсоветский период. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. 23 с.

Учебник / под ред. В.А. Туманова. М.: Юристъ, 2003. С. 212–213.

²⁷ Почекаев Р.Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды как источник права и как источник по истории права // Центральноазиатский исторический сервер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=277>.

²⁸ Давид Р, Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 23.

²⁹ Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник. М.: Эсмо, 2005. С. 30.

³⁰ Михеева Ц.Ц. Источники советского права. Учебно-методическое пособие. М.: Российский университет дружбы народов, 2013. С. 7.

Презумпция невиновности в России: от проблем прошлого к проблемам настоящего

*Шадрин Виктор Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
vikt-shadr@yandex.ru*

Статья посвящена анализу и оценке проблем, связанных с историей внедрения презумпции невиновности в российское уголовное судопроизводство, отношением к ней в науке и законодательстве в период советской власти, а также с различными точками зрения на ее значение и реализацию в условиях существования России в качестве демократического правового государства.

Ключевые слова: история презумпции невиновности, этапы развития уголовного процесса, толкование неустранимых сомнений, обязанность доказывания.

Presumption of Innocence in Russia: from Past Problems to Present Problems

*Shadrin Viktor S.,
Professor of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics
of the Saint Petersburg Law Institute (Branch)
of the Academy of the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation*

The article is devoted to analysis and evaluation of problems relating to the history of the introduction of the presumption of innocence in the Russian criminal proceedings, the attitude in science and law in the Soviet period, as well as various points of view on its importance and implementation in the conditions of Russia's existence as a democratic state.

Key words: history of the presumption of innocence, stages of development of the criminal process, the interpretation of unremovable doubts, the burden of proof.

Зарождение презумпции невиновности состоялось, как известно, в далеком прошлом. Первичные признаки ее существования обнаруживаются в источниках права еще Древнего Рима, иных весьма отдаленных во времени цивилизаций. О происхождении и развитии презумпции невиновности сказано немало и в исторической, и в юридической литературе¹. Но, как представляется, отдельного внимания заслуживают актуальные проблемы понимания, определения значения и реализации презумпции невиновности уголовного процесса в современном российском уголовном процессе. Истоки и причины этих проблем неразрывно связаны с ее прошлым.

О проникновении представлений о значимости и содержании презумпции невиновности в Россию, в известной мере благодаря тесному общению Екатерины II с Вольтером,

можно судить по ее «Наказу» 1765–1767 годов комиссии, созданной для усовершенствования отечественного, изрядно устаревшего законодательства. Статья 194 «Наказа» гласит: «Человека нельзя считать виноватым до судебного приговора, и законы не могут лишить его защиты прежде, нежели будет доказано, что он их нарушил». Первым же источником российского уголовно-процессуального законодательства, где получили первичное оформление черты презумпции невиновности, следует считать Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. Можно вполне согласиться с мнением, что принятие УУС можно по праву назвать началом развития (как в теории, так и на практике) презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России². Однако до полного воплощения изложенной

¹ См., напр.: Мурашкин И.Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве // История государства и права. 2014. № 13. С. 25–31.

² Колесникова Е.С. Презумпция невиновности по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи и УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 136.

в упомянутом выше «Наказе» формулы презумпции в отечественном уголовном процессе должны были пройти столетия.

После революционных событий 1917 года и образования РСФСР уголовный процесс в России осуществлялся в соответствии с принятыми советской властью декретами, положениями и инструкциями. Только в 1922 году был принят УПК РСФСР, вскоре замененный УПК РСФСР 1923 года, который применялся, с определенными изменениями и дополнениями, на протяжении 37 лет. Неудивительно, что в нем, фактически первом кодифицированном уголовно-процессуальном законе государства диктатуры пролетариата, отсутствовало что-либо, способное восприниматься как проявление буржуазности. К чему были и есть основания относить презумпцию невиновности, с учетом ее закрепления в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, принятой в результате Великой французской революции 1789–1894 годов, безусловно, буржуазно-демократической по своей идеологии и характеру. Единственное, что можно (при большом желании) принять в указанном УПК за признак презумпции невиновности, это упоминание «недостаточности улик для обвинения подсудимого» как основания вынесения оправдательного приговора (подп. «б» п. 1 ст. 326).

По мере развития советского государства, укрепления законности в деятельности его органов, осознания необходимости усиления гарантий против осуждения невиновных в науке советского уголовного процесса стало проявляться стремление к внедрению положений презумпции невиновности в советский уголовный процесс. Но подобные тенденции приветствовались далеко не всеми. Так, В.С. Тадевосян, зарекомендовавший себя наиболее последовательным противником презумпции и отвергавший ее как буржуазно-демократический принцип, утверждал, что она несостоятельна и теоретически, и практически, ибо в подавляющем большинстве случаев обвиняемый оказывается виновным. В обоснование своей позиции он приводил доводы, заслуживающие в настоящее время внимания как наглядное проявление идеологии того времени: «...в нашем государстве во главе угла стоят интересы государства и интересы общества, а презумпция невиновности противопоставляет интересы личности интересам государства и ставит их над этими интересами»³. Самым ярким представителем иной позиции, исходящей из не-

обходимости безусловного введения презумпции невиновности в уголовный процесс, наиболее активно являлся М.С. Строгович, в полемике с ее противниками выстраивавший довольно убедительную аргументацию⁴.

Разногласия по поводу возможного пребывания презумпции невиновности в системе принципов советского уголовного процесса продолжались довольно длительное время⁵. В этот период был принят УПК РСФСР 1960 года, в котором отразились некоторые демократические веяния, в том числе в виде закрепления принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому прав на защиту (ст. 19). Но для презумпции невиновности места в нем не нашлось. Власть предрасположенная предпочитала в научную дискуссию о презумпции невиновности явно не вмешиваться. Однако, когда в 1968 году М.С. Строгович в первом томе авторского «Курса советского уголовного процесса» позволил себе опубликовать предложение включить, наконец, презумпцию невиновности в уголовно-процессуальное законодательство, в «верхах» данная идея не понравилась. М.С. Строговича вынудили несколько иначе изложить данный вопрос, в результате страница 351 во всех 13 000 экземпляров тиража названного «Курса...» было заменена⁶. В этом легко убедиться и сейчас, взяв в руки любой из экземпляров книги, где следы замены видны невооруженным глазом.

Законодательное определение понятия презумпции невиновности впервые появилось в России в исторический период реформирования нашего государства и права, в связи с принятием Съездом народных депутатов СССР 13 ноября 1989 года Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве. В ч. 2 ст. 14 данного нормативного акта провозглашалось: «...обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»⁷. В настоящее время согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации каж-

⁴ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 196–204.

⁵ См.: Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 82.

⁶ Юридические записки. Вып. 2. Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 6.

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

³ Цит. по: Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М.: МГУ, 1960. С. 120, 121.

дый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Здесь же обозначены важнейшие следствия, вытекающие из презумпции невиновности: 1) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; 2) неустраимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. В развитие указанных конституционных положений в ст. 12 УПК РФ, закрепившей презумпцию невиновности в системе принципов уголовного судопроизводства, дополнительно предусматривается ряд уточнений, также имеющих существенное значение. Во-первых, презумпция невиновности распространяется не только на обвиняемого, но и на подозреваемого. Во-вторых, бремя доказывания и опровержения выводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В-третьих, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Главное достоинство презумпции невиновности заключается в том, что устанавливает совершенно четкое различие между обвиняемым (подозреваемым) и преступником. Если в отношении подвергаемого уголовному преследованию лица нет основанного на несомненных доказательствах и вступившего в законную силу приговора, его ни в коем случае нельзя считать виновным и любое обращение с ним как с преступником неправомерно.

В демократическом правовом государстве, каковым провозгласила себя Россия посредством всенародного референдума в 1993 году, значение презумпции невиновности возрастает. Развивая идеи правового государства, Монтескьё напрямую связывал его характеристику с условиями, исключающими наказание невиновных: «Если не ограждена невиновность граждан, не ограждена и свобода»⁸.

Безосновательное объявление виновным и последующее наказание — тяжелый удар для невиновного лица. Но подобные случаи существенно вредят и самому государству. Давно замечено, что преследование и наказание невиновных вызывают сильное общественное возмущение, подрывая чувство доверия к власти, ее авторитет, «государство ранит себя»⁹.

⁸ Монтескьё Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 318.

⁹ Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невиновно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 9. С. 83.

С момента конституционного провозглашения презумпции невиновности и прямого ее закрепления в качестве принципа уголовного судопроизводства в УПК РФ вопрос о ее необходимости и значимости в российском уголовном судопроизводстве, казалось бы, можно считать исчерпанным. Однако практически одновременно появились суждения о ее роли и месте в уголовном судопроизводстве, которые трудно признать говорящими в ее пользу: «Презумпция невиновности как раз должна быть более интенсивна там, где мы разговариваем с приличными людьми, но не с массой подонков и дегенератов, которые сначала грабят и убивают, а потом издеваются над следователем и судьей, предъявляя абсурдные алиби»¹⁰. Возможность избирательного подхода к определению степени реализации презумпции в зависимости от личности обвиняемого, хотя как бы, с другой стороны, используется для обоснования ее безупречности и другими авторами. По мнению С.В. Левчука, «историко-правовой анализ идейных основ принципа презумпции невиновности позволяет утверждать, что реализация этого принципа далеко не всегда толкуется объективно, а его воздействие благосклоннее проявляется в отношении элит и богатых привилегированных лиц»¹¹. Развивая данную мысль, названный автор заключает: «Статус лица, его должность и политический вес — все это субъективно предопределяет отношение к презумпции невиновности как сугубо формальной установке с политической подоплекой. Если оценивающий субъект по статусу выше или равен оцениваемому, то акцент невиновности будет преобладать, а если субъект будет ниже, то более очевидной будет ставка на вину»¹².

Утверждение излагается как установленный факт. Но на самом деле речь идет о недопустимом поправлении в деятельности правоохранительных органов не просто законности, а предусмотренного ст. 19 Конституции Российской Федерации принципа равенства всех

¹⁰ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения. Тюмень: ВШ МВД России, 1993. С. 60.

¹¹ Левчук С.В. Политико-правовые аспекты исторического толкования актуальных положений Magna charta libertatum 1215 года и Habeas corpus act 1679 года в Англии в контексте право-привилегий и идейных начал принципа презумпции невиновности // История государства и права. 2013. № 7. С. 32.

¹² Левчук С.В. Политико-правовая природа принципа «презумпция невиновности» // История государства и права. 2015. № 16. С. 12, 13, 16.

перед законом и судом. На подобные суждения представляется возможным, без лишней полемичности, ответить словами И.Д. Перлова: «...презюмция невиновности не может осуществляться неодинаково в зависимости от прошлой деятельности подсудимого». Стоит лишь заметить, что это было сказано еще тогда, когда о нынешнем правовом статусе презюмции невиновности многие могли только мечтать¹³.

Памятуя происхождение презюмции невиновности, к ней стали предъявляться и иные претензии: что она — западноевропейская идея и, как воззрение элиты, ошибочно воспринята в ходе судебной реформы 1864 года российским уголовно-процессуальным законодательством¹⁴. «В российской уголовно-процессуальной действительности она выступает в качестве инородного тела. В тех случаях, когда под воздействием ее правил уходят от ответственности наиболее отъявленные преступники, презюмция невиновности способна выступать в качестве дезорганизатора уголовно-процессуальной деятельности»¹⁵. Приведенные мотивы отрицания презюмции невиновности побуждают вспомнить о выражении «новое — давно забытое старое».

Пример формирования уголовного процесса государств Западной Европы, естественно, не должен восприниматься как абсолютный идеал и основание для слепого копирования, но общепризнанные человеческие и правовые ценности, к которым относятся и положения презюмции невиновности, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека (ст. 11), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 14), подписанной и ратифицированной Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6), игнорировать явно неосмотрительно и контрпродуктивно. Хотя они и сформировались, как известно, не без значительного влияния передовой западной идеологии. Поэтому следует разделить мнение, что отказываться от идеи презюмции невиновности только потому, что она привнесена в российский уголовный процесс извне, по меньшей мере сомнительное предложение¹⁶.

В числе «новаторских» идей, касающихся презюмции невиновности, в частности, высказывается также идея о переносе бремени доказывания легитимности приобретения имущества, находящегося у лиц, обвиняемых и осуждаемых за совершение преступлений коррупционной направленности. «Суть идеи — в вопросе, который может быть задан любому должностному лицу, избличенному в служебных злоупотреблениях, приведших к тяжким последствиям: «Докажи, что имущество, приобретенное тобой и твоими родственниками, получено законным путем»¹⁷. Идея, с точки зрения каждого законопослушного и честного человека, весьма заманчивая. Но при всей очевидной ценности с точки зрения социальной справедливости принять ее вряд ли возможно без риска для назначения и основ современного российского уголовного процесса.

В свое время попытки А.Я. Вышинского внедрить в советское уголовное судопроизводство положения англо-американского уголовного процесса о переходе в ряде случаев бремени доказывания с обвинителя на обвиняемого были заслуженно отвергнуты¹⁸. За возможность перехода бремени доказывания на обвиняемого выступал активный участник разработки одного из проектов УПК РФ С.А. Пашин. Он утверждал, что реформирование уголовного процесса «требует применения вслед за развитыми государствами ограничений и изъятий из общих правил»¹⁹. Отнюдь не случайно, что соображения данного ученого не были приняты во внимание российским законодателем.

Безусловность требования ни в коем случае не допускать признания виновных обвиняемых и их осуждения без несомненной доказанности вступает в определенное противоречие с требованием неотвратимости уголовной ответственности как залога общей и частной превенции преступности.

Нельзя отрицать, что усиление обеспечения прав личности может создавать дополнительные сложности в осуществлении уголовного преследования. Взаимосвязь здесь

¹³ Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. С. 164.

¹⁴ Агутин А.В., Агутина Н.В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 462.

¹⁷ Александров А.С., Александрова И.А., Кучерук Д.С. Презюмция невиновности обвиняемого и распределение бремени доказывания // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2011. № 1 (5). С. 12.

¹⁸ Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. С. 60–72.

¹⁹ Пашин С. Опыт практической разработки нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 25.

очевидна. Но представляется также вполне очевидным, что обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств не может осуществляться любой ценой, в том числе без твердых и безусловных гарантий против привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных. Как отмечал П.И. Люблинский, «власть и свобода — две чаши весов, и на законодателе лежит трудная задача постоянного уравновешивания их»²⁰. В современной России баланс между властью и свободой определен Конституцией Российской Федерации в главе второй «Права и свободы человека и гражданина». В ней презумпция невиновности неспроста отведена место одной из важных составляющих такого баланса (ст. 49).

Литература

1. Агутин А.В., Агутина Н.В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. 108 с.
2. Александров А.С., Александрова И.А., Кучерук Д.С. Презумпция невиновности обвиняемого и распределение бремени доказывания // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2011. № 1 (5). С. 6–12.
3. Колесникова Е.С. Презумпция невиновности по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи и УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 130–136.
4. Левчук С.В. Политико-правовая природа принципа «презумпция невиновности» // История государства и права. 2015. № 16. С. 11–16.
5. Левчук С.В. Политико-правовые аспекты исторического толкования актуальных положений Magna charta libertatum 1215 года и Habeas corpus act 1679 года в Англии в контексте правопривилегий и идейных начал принципа презумпции невиновности // История государства и права. 2013. № 7. С. 26–32.
6. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во АГУ, 1959. 167 с.
7. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб.: Сенатская типография, 1906. 711 с.
8. Монтескьё Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
9. Мурашкин И.Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в российском и международном праве // История государства и права. 2014. № 13. С. 25–31.
10. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения. Тюмень, М., Тюмень: ВШ МВД России, 1993. 212 с.
11. Пашин С. Опыт практической разработки нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 23–27.
12. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. 248 с.
13. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 212 с.
14. Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невиновно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 9. С. 81–85.
15. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 394 с.
16. Юридические записки. Вып. 2. Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. 92 с.
17. Якуб М.А. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М.: МГУ, 1960. 170 с.

²⁰ Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., Сенатская типография, 1906. С. 3.

Особенности реализации судебной реформы Александра II на территории Бессарабской области: постановка проблемы

Калякина Анна Валерьевна,
доцент юридического факультета
Приднестровского государственного университета
koatir94@mail.ru

В статье рассматриваются общие подходы к изучению особенностей проведения судебной реформы Александра II на территории Бессарабской области, которые позволят исследовать общие и особенные черты и закономерности реализации судебной реформы в многонациональных государствах.

Ключевые слова: судебная реформа, социокультурный подход, Бессарабская область.

Features of Implementation of Alexander II Judicial Reform in the Territory of the Bessarabian Region: Problem Setting

Kalyakina Anna V.,
Assistant Professor of the Law Faculty
of the Pridnestrovian State University

In this article consider common approaches to the investigation of features of carrying out of judicial reform of Alexander II in the territory of Bessarabia region, which will allow to research common and special peculiarities and regularities of implementation of the judicial reform in the multinational states.

Key words: judicial reform, socio-cultural approach, Bessarabia region.

В настоящее время основным направлением российских исследований является изучение проведения судебной реформы 1864 года на территориях, в настоящее время входящих в состав Российской Федерации (европейская часть России, Сибирь и Дальний Восток)¹, и совершенно не изучают-

ся особенности проведения судебной реформы на национальных окраинах Российской империи, которые в настоящее время представляют собой независимые государства (Украина, Польша, Молдова, Эстония, Литва, Латвия и др.).

Общим итогом внешнеполитических усилий России в конце XVIII — начале XIX века явилось заметное расширение ее территории. В общем территория Российской империи увеличилась примерно на 20%, а население достигло численности 70 миллионов человек. Это требовало дифференцированного подхода при интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство². Процесс этот был сложным и длительным, преобладающее влияние на него оказывали место и значение той или иной окраинной территории в имперском меха-

¹ См., напр.: Биوشкина Н.И. Проведение судебной реформы 1864 года в Российском Государстве (на примере Нижегородской губернии). Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998; Буйских О.В. Судебная реформа в Вятской губернии, 60–80-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 1999; Вишнеvский В.Г. Особенности судебной реформы в Восточной Сибири (1864–1896 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. 2008; Гибадатов У.И. Подготовка и проведение судебной реформы 1864 года в Башкирии (историко-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; Заводюк С.Ю. Судебная реформа 1864 года (на материалах Среднего Поволжья). Дис. канд. ист. наук. Самара, 1998; Крестьянников Е.А. Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002; Плотникова Т.В. Судебная реформа 1864 года в России: проблемы реализации (по материалам Тамбовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2007; Сотников А.А. Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территории Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Тараканова Н.Г. Судебная реформа 1864 года в российской провинции (на примере

Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002; Черкашина Н.В. Судебная реформа 1864 года в России (по материалам Владимирской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006; Шелумова М.А. Судебная реформа 1864 года в России (по материалам Ярославской губернии). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004 и др.
² Дамешек А.М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX века. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. С. 10–11.

низме (экономическом, политическом и пр.). Это обстоятельство обусловило выделение социокультурных подпространств России, с учетом которых была проведена судебная реформа 1864 года³.

После утверждения царем 29 сентября 1862 года «Основных положений преобразования судебной части в России»⁴ началась предварительная работа по подготовке введения новых судов. При этом оформились два подхода к проведению судебной реформы: министр юстиции Д.Н. Замятин считал, что необходимо в течение 4–5 лет ввести Судебные уставы в полном объеме на всей территории империи, тогда как председатель Государственного Совета князь П.П. Гагарин выступал за введение Судебных уставов по частям (сначала мировые суды, а затем общие суды) и не в полном объеме⁵.

В результате 19 октября 1865 года было утверждено «Положение о введении в действие Судебных уставов»⁶, которое предполагало введение уставов на территории 10 губерний в 1866 году, а еще в 31 губернии и в Бессарабской области — в течение 4 лет.

В течение 1866 года Судебные уставы были введены в регионах, входивших в состав Московской (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская губернии) и Петербургской (Петербургская, Новгородская и Псковская губернии) судебных палат. В 1867 году был открыт округ Харьковской судебной палаты (в него вошли Харьковская, Курская, Воронежская, Орловская губернии и ряд уездов Тамбовской и Екатеринославской губерний). В 1869 году был открыт округ Одесской судебной палаты (включал в себя Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую губернии и Бессарабскую область). Далее Судебные уставы без изъятий вводились в Казанской, Костромской, Олонецкой, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смо-

ленской, Тамбовской, Черниговской губерниях⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что при изучении реализации судебной реформы 1864 года в Бессарабской области необходимо принимать во внимание следующие моменты.

Во-первых, Бессарабия вошла в состав Российской империи в 1812 году по Бухарестскому русско-турецкому мирному договору и до 1828 года имела особый правовой статус.

В 1812 году командующий Дунайской армией адмирал П. Чичагов утвердил «Правила временного правления Бессарабии», согласно которым:

- военная власть вверялась главнокомандующему Дунайской армией, которому подчинялось и гражданское управление;

- областное правительство состояло из Общего собрания (куда входили губернатор и советники административных учреждений) и 2 департаментов: один ведал судебными вопросами, руководствуясь «местными узаконениями и обычаями», второй — статистикой, финансами и коммерцией (дела в обоих департаментах велись параллельно на русском и молдавском языках);

- Бессарабия была разделена на 9 цинтов, в каждый из которых губернатор назначал из молдавских бояр по 1–2 исправников, наделенных управленческими и судебными полномочиями⁸.

В 1816 году в Бессарабии было учреждено наместничество, не подчинявшееся министерствам⁹. При наместнике состоял Временный комитет из выборных от местного дворянства и 3 назначаемых чиновников. Временному комитету принадлежали широкие контрольно-ревизионные права. Кроме того, Временный комитет занимался усовершенствованием управления Бессарабией, упорядочением налогов и податей.

29 апреля 1818 года царь, посетив Кишинев, одобрил «Устав образования Бессарабской области»¹⁰, которым в крае была введена автономия:

- высшим административным и судебным органом стал Верховный совет во главе с наместником-президентом;

- в состав Верховного совета входили гражданский губернатор, вице-губернатор, председатели областных уголовного и

³ См.: Нестеренко А.С. Социокультурное пространство России во второй половине XIX в. // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур. Учебное пособие / под ред. М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2016. С. 283–284; Дамешек Л.М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX в. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. С. 14–27; Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. С. 95–106.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е. 55 т. Т. XXXVII. Отд. II. № 38761.

⁵ См.: Шахрай С.М., Краковский К.П. Указ. соч. С. 85–86.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 2-е. 55 т. Т. XL. Отд. II. № 42587.

⁷ Шахрай С.М., Краковский К.П. Указ. соч. С. 87–95.

⁸ См.: История государства и права России. Учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 163.

⁹ ПСЗРИ. Собрание 1-е. 45 т. Т. XXXIII. № 26289.

¹⁰ Там же. Т. XXXV. № 27357.

гражданского судов, областной предводитель дворянства (все они назначались царем) и 6 депутатов, избираемых на 3 года (активным и пассивным избирательным правом обладали лица мужского пола, достигшие 22-летнего возраста, удовлетворяющие высокому имущественному цензу);

- исполнительная власть принадлежала губернатору и областному правительству, при котором состоял областной прокурор;

- в городах вводились городские думы и цеховые ремесленные управы;

- сбор казенных податей осуществляли цинутные казначейства в уездах;

- вся область делилась на 6 уездов с центром в городе Кишиневе;

- на Бессарабию не распространялись полномочия Комитета министров и министерств империи; сношения Верховного совета с царем поддерживались от имени его президента через статс-секретаря по делам Бессарабии и Государственный Совет.

В 1823 году наместником Бессарабии был назначен новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов, сторонник перестройки административного управления по общероссийскому типу. По его поручению был разработан план преобразований областных учреждений, который был утвержден Государственным Советом 29 февраля 1828 года под названием «Учреждения для управления Бессарабской областью»¹¹, согласно которому:

- упразднялось наместничество;

- Бессарабия включалась в новороссийское генерал-губернаторство на общих основаниях с другими новороссийскими губерниями;

- отменялся принцип выборности при замещении административных должностей, вводились общероссийские учреждения и общероссийская налоговая система;

- вместо Верховного совета в качестве совещательного органа учреждался областной совет, члены которого назначались правительством;

- вместо областного правительства учреждались областное правление, казенная палата, областные суды (гражданский, уголовный, совестный), почтовое, карантинное, таможенное управления и Бессарабское соляное управление;

- все чиновники на должности назначались генерал-губернатором.

Закрепленная «Учреждениями» система управления Бессарабской областью» система органов управления сохранялась вплоть до буржуазных реформ второй половины XIX века.

¹¹ ПСЗРИ. Собрание 2-е. 55 т. Т. III. № 1834.

Во-первых, при изучении проведения буржуазно-демократических реформ второй половины XIX века на территории Бессарабии необходимо принять во внимание тот немаловажный факт, что в результате Крымской войны по условиям Парижского договора 1856 года часть Южной Бессарабии, включающей весь Измаильский уезд, части Аккерманского и Кагульского уездов с расположенными на них городами Измаил, Рени, Кагул, Комрат, Вулканешты, Леово, была отторгнута от Российской империи и была возвращена России в 1878 году решением Берлинского конгресса¹², т.е. в тот момент, когда судебная реформа на территории Бессарабии проводилась уже в течение почти 10 лет.

Во-вторых, при проведении судебной реформы 1864 года на территории Бессарабской области не могли быть не учтены некоторые особенности — как присущие всем национальным окраинам Российской империи, так и характерные исключительно для Бессарабии. Это нашло свое закрепление и в правовых документах, в соответствии с которыми проводилась судебная реформа на территории Бессарабии.

24 апреля 1869 года Правительствующий сенат на основании высочайше утвержденного 8 апреля мнения Государственного совета принимает решение о проведении в Бессарабии судебной реформы¹³. В нем утверждалось: «Государственный совет в Соединенных департаментах законов, Государственной экономии, Гражданских и духовных дел и в Общем собрании, рассмотрев представление министерства юстиции от 18 апреля о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области и соглашаясь в существе с заключением его министра, мнением положил: ввести в действие Судебные Уставы... в течение 1869 года в Бессарабской области с присоединением ее к округу Одесской судебной палаты, постановив для сего следующие правила: 1) Уставы эти вводятся в Бессарабской области на точном основании «Положения 19 октября 1865 года», удостоенного 10 марта 1869 года высочайшего утверждения дополнительных к нему правил о порядке окончания дел прежних судебных установлений; 2) Судебные установления образуются, а чины прокурорского надзора, равно Судебные следователи и Судебные приставы, назначаются на основании прилагаемого при сем штата; 3) С открытием новых судебных установлений Судебные ме-

¹² Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 382.

¹³ ПСЗРИ. Собрание 2-е. 55 т. Т. XLIV, отделение первое. № 46950.

ста прежнего устройства, а равно должность областного прокурора и уездных стряпчих упраздняются, с прекращением дальнейшего отпуска на их содержание сумм, со дня открытия новых судебных установлений; 4) Из исчисленной на основании прилагаемого при сем штата суммы 118 800 рублей потребные деньги с будущего 1870 года производятся из государственного казначейства, на текущий же год в распоряжение министерства юстиции отпускается одновременно половина означенной суммы, именно 59 400 рублей с представлением ему: а) Назначать в новые Судебные установления всех должностных лиц и ранее трех месяцев до времени открытия судебных установлений производить им содержание из означенной суммы и возлагать на них участие в разборе и решении дел прежних судебных мест и б) Расходовать эту сумму на другие предметы как по временному усилению прежних судебных мест, так и вообще для усиления мер, необходимых для усиленного введения уставов в действие»¹⁴.

В Бессарабии учреждался окружной суд 2-го разряда, который входил в округ Одесской судебной палаты. В штат бессарабских судебных служащих входили: председатель, два товарища председателя и 9 членов окружного суда, 3 секретаря и 7 помощников секретарей окружного суда, прокурор и 8 товарищей прокурора, 16 следователей и 10 судебных приставов.

До названной даты старому штату судов и вновь прибывшим в область чиновникам – юристам от суда предстояло завершить рассмотрение накопившихся за десятилетия дел, разгрести их настоящие завалы, о чем можно судить по архивным документам, и в частности по замечаниям бессарабского губернатора областному правлению от 25 июня 1869 года по итогам ревизии в городах Хотин, Сороки, Бельцы, Оргеев, Бендеры и Аккерман, где были вскрыты факты волокиты и возмутительной медлительности в следственных органах и судах области, которые свидетельствуют о пороках старых присутственных мест.

3 ноября 1869 года по докладу министра юстиции Российской империи император Александр II подписал именной указ об открытии новых судебных мест в Бессарабской области¹⁵. Их открытие было поручено провозгласить старшему председателю Одесской судебной палаты сенатору Шахматову.

¹⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIV, отделение первое. № 46950.

¹⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIV, отделение второе. № 47617.

Открытие судов, предусмотренных новыми Судебными уставами, было назначено на декабрь 1869 года¹⁶.

20 декабря 1869 года было объявлено о введении с этого числа в Бессарабии новых Судебных уставов и судебных учреждений¹⁷. Старый суд был упразднен¹⁸.

На открытии Кишиневского окружного суда сенатор А.А. Шахматов в присутствии членов окружного суда и мировых судей зачитал Указ об «открытии в области действия Судебных уставов»¹⁹.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что историко-правовое исследование создания и функционирования судебных органов, образованных в ходе судебной реформы 1864 года на территории Бессарабии, на основании использования социокультурного подхода, входящего в методологию сравнительного правоведения²⁰, позволит определить, к какому социокультурному подпространству Российской империи относилась Бессарабская область, и на этой базе исследовать общие и особенные черты и закономерности проведения судебной реформы на многонациональных территориях. Это позволит сформулировать предложения по совершенствованию механизмов политико-правовых преобразований (в том числе преобразований судебно-процессуальной формы) в многонациональных государствах, актуальных для начала XXI века.

Литература

1. Дамешек Л.М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX в. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.
2. История государства и права России. Учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с.
3. Нестеренко Л.С. Социокультурное пространство России во второй половине XIX в. // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур. Учебное пособие / под ред. М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2016. С. 261–287.

¹⁶ Чебан А.Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX — нач. XX в. Кишинев, 1980. С. 8.

¹⁷ Бессарабские областные ведомости. 1870. 15 авг.

¹⁸ Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинэу, 2004. С. 244.

¹⁹ Бессарабские областные ведомости. 1869. 24 дек.

²⁰ См.: Нестеренко Л.С. Социокультурное пространство России во второй половине XIX в. // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур. Учебное пособие. М., 2006. С. 261–287.

4. Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинэу: Академия наук Республики Молдова, Институт межэтнических исследований, 2004. 578 с.
5. Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. 1022 с.
6. Чебан А.Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX — нач. XX в. Кишинев: Штиинца, 1980.
7. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.

Историческая ретроспектива отечественного уголовного законодательства о противодействии недобросовестной конкуренции

*Серебруев Игорь Владимирович,
научный сотрудник Управления научных исследований
и международного сотрудничества
Уральского государственного юридического университета
i.v.serebruev@gmail.com*

Недобросовестная конкуренция как социально-экономическое явление возникла задолго до капиталистического способа производства и была известна еще феодальному обществу. Вместе с тем правовое регулирование отношений, складывающихся в связи с применением актов недобросовестных конкурентных действий, достаточно новое явление в российской системе права. В статье проводится ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства, направленного на противодействие недобросовестной конкуренции. Отмечаются специфические черты методов уголовно-правовой охраны конкурентных отношений на определенных исторических этапах развития российского государства.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, недобросовестная конкуренция, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

Historical Retrospective of the Domestic Criminal Legislation on Unfair Competition Counteraction

*Serebruyev Igor V.,
Research Scientist of the Directorate for Scientific Research and International Cooperation,
of the Ural State Law University*

Unfair competition, as a socio-economic phenomenon, emerged long before the capitalist mode of production, and was known feudal society. However, the legal regulation of relations in connection with the application of acts of unfair competition, a relatively new phenomenon in the russian legal system. The article presents a retrospective analysis of the domestic criminal legislation aimed at counteracting unfair competition. There have been specific features of the methods of criminal law protection of competitive relations in the certain historical stages of development of the russian state.

Key words: crimes in the sphere of economy, unfair competition, criminal legislation, criminal liability.

Отечественное уголовное законодательство, направленное на противодействие недобросовестной конкуренции, стало формироваться в конце XIX — начале XX века. Так, статьями 1354, 1356, 1357 гл. 14 «О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹ была впервые установлена уголовная

ответственность за незаконное использование средств индивидуализации юридического лица; индивидуализации продукции, выполнения работ, оказания услуг.

Согласно ст. 1354 Уложения 1845 года ответственность наступала в случае подделки чужого клейма или знака, прикладывавшегося с дозволения правительства к изделия-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков.

В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.

ям или произведениям мануфактуры, фабрики или завода.

В соответствии со ст. 1356 Уложения 1845 года лица, виновные в употреблении на изданиях знака, установленного для ограждения права пользования рисунком или моделью, без предварительной заявки рисунка или модели в предписанном для этого порядке, подвергались денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей.

В свою очередь, ст. 1357 Уложения 1845 года предусматривала ответственность в виде денежного взыскания от пятидесяти до двухсот рублей за самовольное, без разрешения владельца, воспроизведение заявленных законным порядком рисунков или моделей независимо от вознаграждения за вред и убытки, причиненные самовольным употреблением заявленного рисунка или модели.

Кроме того, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1885 г.) была впервые предусмотрена уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну. Так, согласно ст. 1355 подлежит наказанию тот, кто огласит какое-либо содержимое в тайне и вверенное ему в виде тайны средство, употребляемое при изготовлении или отделке произведений фабрик, заводов или мануфактур, без согласия лиц, которым эта тайна принадлежит по праву, и, следовательно, наносит им ущерб.

В качестве уголовно наказуемой формы недобросовестной конкуренции уголовным законодательством конца XIX — начала XX века выделялось и введение потребителей в заблуждение относительно характера, способа и места изготовления, потребительских свойств, качества товаров. При этом обман потребителей по общему правилу квалифицировался по ст. 1665 Уложения 1845 года как мошенничество. Вместе с тем рядом норм была предусмотрена уголовная ответственность за его (обмана) отдельные виды.

Так, например, ст. 697 и 698 Уложения 1845 года предусматривали ответственность за «продажу питей с вредною для здоровья примесью».

Статья 892 Уложения 1845 года устанавливала ответственность за обман потребителя, связанный с приготовлением лекарств и лекарственных составов не по правилам фармацевтики, за составление лекарств из веществ не того качества или веса, как указано в рецепте, а равно за приготовление лекарств в нечистых или вредных для здоровья сосудах.

Статьи 1175 и 1176 Уложения 1845 года предусматривали ответственность за ис-

пользование при торговле весов или меры, не имеющих установленного клейма (ст. 1175), либо использование с умыслом обмана клейменных, но неверных весов или мер (ст. 1176).

Таким образом, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривалось наступление уголовной ответственности за такие формы недобросовестной конкуренции, как незаконное использование средств индивидуализации юридического лица; индивидуализация продукции, выполнения работ, оказания услуг; разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, и обман потребителя.

В конце XIX века ученые стали говорить о необходимости замены Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года на более совершенный закон. Одним из них был Н.С. Таганцев. По мнению ученого, Уложение 1845 года отжило свой век, разошлось с современными принципами, взглядами и чаяниями науки уголовного права, несостоятельна и даже вредна его карательная система, велики его грехи с точки зрения практической применимости его постановлений, парализована юридическая техника его статей².

В результате кропотливой работы в период с 1881 по 1902 год 22 марта 1903 года было утверждено новое Уголовное уложение³, которое, как и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, предусматривало ответственность за незаконное использование средств индивидуализации (ст. 272, 356–359).

Так, статья 272 Уголовного уложения устанавливала ответственность для фабриканта, ремесленника или торговца, виновного: 1) в самовольном выставлении на изготовленном им или находящемся у него для продажи товаре ярлыка, клейма или иного знака, точно воспроизведенных или ясно сходственных с таковыми же товарными знаками, заявленными в установленном порядке и принадлежащими заведомо для виновного чужой фабричной, торговой или промышленной фирме; 2) в хранении в мастерской или в торговом помещении или в продаже товара с незаконно выставленным знаком; 3) в самовольном наложении на слиток золота или серебра клейма, принадлежащего другому мастеру или аффинеру.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 105.

³ Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. 250 с. (Далее — Уголовное уложение.)

Статья 356 Уголовного уложения предусматривала наказание для промышленника и торговца, виновных: 1) в самовольном выставлении на изготовленном им или находящемся у него для продажи товаре, или на упаковке, или посуде, в коей хранятся товары, или на коммерческом объявлении, или прейскуранте, или бланке товарного знака, точно воспроизведенного или явно сходственного с таким же товарного знака, состоящего заведомо в исключительном пользовании другого промышленника или торговца; 2) в хранении находящегося у него для продажи или в продаже товара с заведомо выставленным знаком или в выпуске в обращение такого товара для торговых целей.

Статьей 357 предусматривалась уголовная ответственность за самовольное выставление промышленником или торговцем на товаре, упаковке или посуде, в коей хранятся товары, или на коммерческом объявлении, или прейскуранте, или бланке товарного знака с запрещенными надписью или изображением или за хранение для продажи или продажу товара с таким знаком.

Статья 358 Уголовного уложения, дублируя ст. 1356 Уложения 1845 года, предусматривала ответственность за употребление на изделии знака, установленного для ограждения прав пользования рисунком или моделью, без предварительной заявки рисунка или модели в предписанном порядке.

Новеллой Уголовного уложения 1903 года являлась регламентация ответственности за незаконное использование фирменного наименования. Согласно ст. 359 подлежал уголовному наказанию виновный в употреблении без надлежащего разрешения в торговле, при провозе предметов, при производстве всякого рода сборов, на вывесках или в объявлениях торговых или промышленных заведений знака, присвоенного учрежденному в установленном порядке обществу.

Таким образом, Уголовное уложение 1903 года во многом дублировало нормы Уложения 1845 года, регламентирующие ответственность за отдельные формы недобросовестной конкуренции. Пожалуй, единственным достижением Уголовного уложения в сфере борьбы с недобросовестной конкуренцией является установление уголовной ответственности за незаконное использование фирменного наименования.

В целом дореволюционное уголовное законодательство достаточно детально регламентировало ответственность за различные формы недобросовестной конкуренции и являлось эффективным инструментом борьбы с ней.

Октябрьская революция 1917 года обусловила переход к экономике нового типа — плановой, административно-командной. В качестве ее характерных особенностей можно выделить отмену частной собственности на землю; национализацию всех сфер общественной жизни, включая промышленность и торговлю; контроль экономической деятельности государством.

Вместе с тем введение новой экономической политики способствовало упорядочению экономических отношений, в том числе посредством регулирования и охраны конкурентных отношений. Указанное обстоятельство побудило советского законодателя расширить круг экономических преступлений и выделить в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года⁴ ряд деяний, посягающих на добросовестность конкуренции.

Ответственность за данные деяния регламентировалась гл. 6 «Имущественные преступления» УК РСФСР 1922 года. В частности, ст. 199 УК РСФСР 1922 года устанавливала ответственность за самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием.

Особенностью УК РСФСР 1922 года являлось то, что обман покупателей как самостоятельный состав преступления в его структуре отсутствовал. Тем не менее данный нормативный правовой акт предусматривал ответственность за фальсификацию предметов потребления. Так, статья 190 УК РСФСР 1922 года устанавливала ответственность за фальсификацию с корыстной целью или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно и за сбыт таких предметов.

Статья 191 УК РСФСР 1922 года, по сути, являлась квалифицированным составом ст. 190, выделенным в самостоятельную правовую норму, и предусматривала ответственность за то же деяние, но вызвавшее фактическое наступление или реальную возможность наступления тяжких последствий (вреда здоровью), а равно за сбыт таких предметов.

Своеобразным нововведением УК РСФСР 1922 года являлась ст. 192. Данная норма устанавливала ответственность за сбыт негодного семенного материала. По нашему мнению, введение этой нормы было связано с приоритетностью аграрного сек-

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. (Далее — УК РСФСР 1922 года.)

тора в экономике России того периода; следовательно, реализация некачественного семенного материала представляла реальную опасность как для государства, так и для населения.

С позиции юридической техники в качестве недоработки УК РСФСР 1922 года можно выделить отнесение указанных ранее норм к группе имущественных преступлений. Мы считаем, что преступные деяния, ответственность за которые установлена ст. 190, 191, 192, 199 УК РСФСР 1922 года, посягали не на отношения собственности, а на добросовестность конкурентных отношений. Подтверждая наше мнение, еще раз обратим внимание на диспозицию ст. 199, где указано следующее: «Самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком... карается...» Примечательно, что и принятый в 1926 году новый Уголовный кодекс РСФСР⁵ во многом сохранил этот подход к систематизации преступлений, посягающих на добросовестность конкуренции.

УК РСФСР 1926 года принимался во времена усиления планово-регулирующих начал в отечественной экономике, исключивших конкуренцию из экономической жизни общества.

В это время особое внимание законодателя уделялось борьбе с преступными посягательствами на социалистическую собственность. Изначально в качестве таковых рассматривались деяния, связанные с выпуском недоброкачественных изделий промышленными и торговыми предприятиями, а также деяния, связанные с несоблюдением стандартов качества товаров⁶.

В дальнейшем государство предприняло попытку обеспечить уголовно-правовую охрану интересов не только государства, но и потребителей. С этой целью было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Обвовывание потребителя и обман Советского государства»⁷. Согласно постановлению «в целях искоренения из практики советской торговли случаев обвешивания, обмерива-

ния покупателей, пользования в торговле неисправными весами, гирями, метрами и другими измерительными приборами, продажи товаров низшего качества по цене высшего, а также нарушения установленных розничных цен Центральный исполнительный комитет и СНК СССР постановляют: предложить правительствам союзных республик дополнить Уголовные кодексы республик соответствующими статьями». Так, в гл. 5 «Преступления хозяйственные» УК РСФСР 1926 года появились статьи 128-а и 128-в.

Статья 128-а УК РСФСР 1926 года устанавливала ответственность за выпуск недоброкачественной и некомплектной промышленной продукции и за выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов.

В свою очередь, ст. 128-в УК РСФСР 1926 года предусматривала ответственность за обвешивание и обмеривание покупателей, пользование при продаже неверными весами, гирями и прочими неправильными измерительными приборами, а также за нарушение установленных розничных цен на товары широкого потребления в магазинах, лавках, ларьках, столовых, буфетах и т.п., за продажу товаров низшего сорта по цене высшего, сокрытие от покупателей преискуранных цен товаров.

Помимо ранее указанных норм в УК РСФСР 1926 года существовала еще одна норма, направленная на охрану интересов потребителей. Речь идет о ст. 171 гл. 7 «Имущественные преступления», устанавливавшей ответственность за обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов. Можно заметить, что данная статья практически дублирует ст. 190 и 191 УК РСФСР 1922 года.

Статьей, заимствованной из УК РСФСР 1922 года, являлась и ст. 178 УК РСФСР 1926 года. Ее диспозиция полностью совпадала с диспозицией ст. 199 УК РСФСР 1922 года: «самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием». Единственным различием между указанными статьями являлось то, что санкция ст. 178 УК РСФСР 1926 года была мягче санкции ст. 199 УК РСФСР 1922 года. Так, санкция ст. 178 УК РСФСР 1926 года предусматривала наказание в виде принудительных работ до шести месяцев или штрафа до трех тысяч рублей, а санкция

⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. (Далее — УК РСФСР 1926 года.)

⁶ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 г. // Собрание Законодательства СССР. 1930. № 2. Ст. 9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 8.

⁷ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1934 г. // Собрание Законодательства СССР. 1934. № 41. Ст. 325.

ст. 199 УК РСФСР 1922 года предусматривала наказание в виде принудительных работ на срок до одного года или штрафа в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Заметим, что ст. 178 УК РСФСР 1926 года, как и ст. 199 УК РСФСР 1922 года, была помещена в главу «Имущественные преступления». Это обстоятельство свидетельствует о том, что законодатель при разработке УК РСФСР 1926 года ошибочно придерживался подхода к систематизации преступлений, посягающих на добросовестность конкуренции, использовавшегося при разработке УК РСФСР 1922 года. Возможно, по этой причине УК РСФСР 1926 года «унаследовал» не только отдельные нормы УК РСФСР 1922 года, но и некоторые недочеты.

Следующим этапом развития отечественного уголовного законодательства в сфере охраны конкурентных отношений является принятие Верховным Советом РСФСР Уголовного кодекса 1960 года⁸.

Изначально указанный нормативный правовой акт в гл. 6 «Хозяйственные преступления» предусматривал ответственность за такие преступные проявления недобросовестной конкуренции, как выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции (ст. 152); незаконное пользование товарным знаком (ст. 155); обман покупателей и заказчиков (ст. 156); выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров (ст. 157).

В дальнейшем переход на новую модель рыночных отношений способствовал внесению ряда изменений в УК РСФСР 1960 года. Так, Законом РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР»⁹ из УК РСФСР была исключена ст. 152. Кроме того, в новой редакции, предусматривавшей ответственность за изготовление и сбыт недоброкачественных товаров, заведомо не соответствующих государственным стандартам и требованиям, обеспечивающим их безопас-

ность для жизни и здоровья граждан, была изложена ст. 157¹⁰. Однако предложенную редакцию статьи трудно назвать успешной по ряду причин. Во-первых, устранялась уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления. Во-вторых, вводилась уголовная ответственность за изготовление только недоброкачественных товаров. В-третьих, изменялось содержание состава преступления: вместо выпуска в продажу недоброкачественных товаров вводился их сбыт¹¹. Возможно, эти обстоятельства заставили законодателя вернуться к установлению уголовной ответственности за выпуск и продажу товаров, оказание услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей¹².

Редакции подверглась и ст. 156 УК РСФСР 1960 года. Во-первых, она стала по-новому именоваться — «Обман потребителей». Во-вторых, по-новому была изложена диспозиция. В прежней редакции ответственность предусматривалась за обман в магазинах или на предприятиях (торговых, общественного питания, бытового обслуживания, коммунального хозяйства), находившихся в государственной или общественной собственности, а в новой редакции ответственность наступала за обман в магазинах или на предприятиях, осуществлявших реализацию товаров или оказывавших услуги независимо от форм собственности. В-третьих, в прежней редакции субъектом данного преступления являлся только работник магазина или предприятия, в новой редакции субъектом, помимо указанных, являлся и гражданин, занимавшийся предпринимательской деятельностью в сфере торговли либо оказания услуг. Вместе с тем санкция за обман потребителей осталась прежней. Сохранение в санкции такого наказания, как лишение свободы, выполняет превентивную функцию. Не секрет, что для большинства населения именно наказание в виде лишения свободы

⁸ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (Далее — УК РСФСР 1960 года.)

⁹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: Закон РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 (ред. от 08.01.1997, с изм. от 18 декабря 2001 г.) // Российская газета. 1993. № 100. 27 мая.

¹⁰ Корниенко В.Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Корниенко Валерий Тарасович. Ростов на н/Д., 2004. С. 46–47.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю: Закон РФ от 1 июля 1993 г. № 5304-1 (ред. от 26.12.2008) // Российская газета. 1993. № 153. 11 авг.

играет роль барьера, удерживающего от совершения преступления.

Несомненным достоинством УК РСФСР 1960 года является отнесение деяний, связанных с проявлением недобросовестной конкуренции (ст. 155, 156, 157), к группе хозяйственных преступлений. На наш взгляд, это решение является весьма разумным и устраняет характерное для предыдущих кодексов противоречие, связанное с их систематизацией. Напомним, что в УК РСФСР 1922 года преступления, посягающие на добросовестность конкуренции, относились к группе имущественных преступлений, что, по нашему мнению, является некорректным, а в УК РСФСР 1926 года одна часть преступлений, посягающих на добросовестность конкуренции, относилась к группе имущественных, а другая часть — к группе хозяйственных, что противоречит основам юридической техники.

Заключая, отметим, что советское уголовное законодательство достаточно деталь-

но регламентировало ответственность за такие формы недобросовестной конкуренции, как незаконное использование товарного знака и иных средств индивидуализации, а также за обман потребителей. Однако, в отличие от дореволюционного уголовного законодательства, советское уголовное законодательство, в связи с упразднением частной собственности, практически не регламентировало ответственность за посягательства на коммерческую тайну. Указанное обстоятельство способствовало стагнации не только правовой охраны коммерческой тайны, но и теоретических исследований данной проблемы.

Литература

1. Корниенко В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Корниенко Валерий Тарасович. Ростов н/Д. 2004. — 228 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры